

18+

САРИНА БОУЭН

ДОРОГА В БОЛЬШОЙ СПОРТ, КОТОРЫМ ЖИЛА,
ЗАКРЫТА ДЛЯ НЕЕ НАВСЕГДА.

ПАРЕНЬ, КОТОРОМУ ОТДАЛА
СВОЕ СЕРДЦЕ, ПРИНАДЛЕЖИТ ДРУГОЙ.

ГОД НАШЕЙ ЛЮБВИ

«МНЕ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛОСЬ! НЕ МОГУ ДОЖДАТЬСЯ,
ЧТОБЫ ПРОЧИТАТЬ ОСТАЛЬНЫЕ КНИГИ БОУЭН.»

КОЛИН ГУВЕР, АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«УРОДЛИВАЯ ЛЮБОВЬ» И «НИКОГДА НИКОГДА»

Сарина Боуэн

Год нашей любви

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22624436
Год нашей любви / Сарина Боуэн: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-102922-7

Аннотация

Кори Каллахан должна была стать звездой хоккейной команды колледжа, но из-за трагической случайности оказалась прикована к инвалидной коляске.

Адам Хартли – единственный, кто хоть как-то может понять ее чувства, ведь и он вынужден отказаться от спорта из-за сложного перелома ноги.

От одного вида Хартли сердце Кори начинает биться так, будто вот-вот выпрыгнет из груди. Они понимают друг друга без слов и, кажется, просто созданы для того, чтобы быть вместе. Если бы не одно «но»: у Хартли есть девушка, а Кори для него просто друг, с которым можно смеяться до колик и играть в видеоигры. Так бы все и продолжалось, но однажды ночью Хартли пришел к Кори с бутылкой шампанского.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	46
Глава 5	58
Глава 6	74
Глава 7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Сарина Боуэн

Год нашей любви

Глава 1

Барбекю и горгульи

*Надежда – чудо в перьях, —
Она в душе гнездится —
Щебечет песенку без слов
И не утомонится.*

Эмили Дикинсон¹

Кори

– Выглядит многообещающе, – сказала моя мать, изучая увитый плющом фасад студенческого общежития. В ее голосе читалось нетерпение. – Ну-ка, проверь свой ключ, Кори.

В Харкнесс-колледже был день заезда, и в разговорах на кампусе чаще всего звучали охи и ахи родителей первокурсников. Как сообщали официальные путеводители, именно в Харкнессе, этом 300-летнем храме науки, получили свои степени три президента страны из последних шести. Здесь

¹ Перевод Григория Кружкова.

же располагалась и знаменитая Башня Бомонта – дважды в день студенты из Гильдии карильонеров² поднимались на 144 ступени старинной лестницы, чтобы огласить окрестности звоном колоколов, каждый из которых весил не меньше тонны.

Жаль, что интерес моей мамы к общежитию не был связан ни с историей, ни с архитектурой. Все ее внимание занимал пандус для инвалидных колясок.

Я заехала на крыльцо, помахала моей новенькой студенческой карточкой перед устройством для считывания с карт, нажала синюю кнопку с изображением инвалидного кресла и затаила дыхание, глядя, как изящно открывается красивая арочная дверь.

После того через что я прошла за последний год, было нелегко поверить, что все это не сон. Что я *на самом деле* здесь.

Оказавшись в вытянутом здании общежития, я осмотрелась. На первом этаже располагались две большие комнаты: одна по левую, другая – по правую руку. Обе с широкими дверями – верный признак того, что они предназначены для студентов с ограниченными возможностями. Прямо передо мной убегала вверх лестница с красивыми дубовыми перилами. Как и в большинстве давно построенных общежитий Университета Харкнесса, лифта в здании не было, а зна-

² Студенческая организация звонарей, подобные которой существуют во многих старейших учебных заведениях США. – *Здесь и далее примеч. пер.*

чит, мне, сидящей в инвалидном кресле, никогда не удастся осмотреть ни одну из комнат наверху.

– Полы *очень* ровные, – одобрительно заметила мать. – Когда мне сказали, что этому зданию восемьдесят лет, я засомневалась, стоит ли тебя отпускать сюда.

«Засомневалась» – мягко сказано. Тот факт, что мои родители буквально умоляли меня не ехать в Харкнесс, был последней горькой насмешкой судьбы в их длинной череде. В то время как другие отцы и матери сегодня восторженно обсыпали своих чад конфетти, мои рисковали схватить четыре сердечных приступа на двоих – как же, их малышка выбрала колледж в тысяче миль от дома, где они не смогут контролировать ее каждые полчаса!

Хвала небесам, что не смогут.

После того как со мной произошел несчастный случай, родители упрашивали меня отложить поступление еще на год. Но кому захотелось бы застрять дома еще на двенадцать месяцев с перспективой очередного курса физиотерапии в качестве единственного развлечения? Вот и мне нет. Когда я топнула ногой (ха-ха) и заявила, что отправляюсь в колледж, родители сменили тактику. Теперь они старались убедить меня остаться в Висконсине. Я выслушала бесчисленное множество проникнутых заботой лекций на тему «Почему Коннектикут?» и «Ты не обязана ничего никому доказывать».

Но я хотела этого. Я хотела посещать ту же элитную школу, в которой учился мой брат. Я хотела независимости, я хо-

тела смены декораций, и я *действительно* хотела избавиться от послевкусия несчастья, которое было моим спутником весь последний год.

Пока я размышляла об этом, дверь слева от меня открылась и в проеме показалась голова симпатичной девушки с темными кудряшками.

– Кори! – улыбнулась она. – Я Дана!

Честно говоря, когда мои документы о заселении прибыли в Висконсин, я не знала, чего ожидать от будущей соседки. Но за последний месяц мы с Даной обменялись несколькими письмами по электронной почте, и ситуация прояснилась. Она была из Калифорнии, но школу окончила в Токио, где у ее отца был бизнес. Что касается меня, я сообщила ей о моем состоянии, объяснив, что не чувствую ни левую, ни правую ногу. Я предупредила, что большую часть времени буду находиться в инвалидном кресле и рассказала, что, даже вооружившись громоздким набором фиксаторов для ног и костылями, едва ли могу изобразить нечто, отдаленно напоминающее ходьбу.

И еще я заранее извинилась за то, что ей придется жить с калеккой отдельно от других первокурсников.

Дана быстро прислала ответ: она ничего не имела против. Крохотные крылышки надежды впервые затрепетали где-то рядом со мной. Потом это неугомное пернатое создание порхало вокруг неделями, насвистывая мне в ухо подбадривающие слова. Теперь же, когда я впервые увидела Дану, ма-

ленькая фея надежды прошла по моему плечу колесом.

Я подняла глаза на Дану и развела руками, указав на кресло.

– А как ты меня узнала?

В глазах Даны зажглись озорные искорки, и она сказала именно то, что нужно было сказать:

– Благодаря Фейсбуку, как же еще!

Она открыла дверь нараспашку, и я заехала внутрь.

– У нас шикарная комната! – воскликнула Дана уже в третий раз за время нашего непродолжительного знакомства. – Здесь вдвое больше места, чем у остальных! Только представь, какие можно закатывать вечеринки!

Было здорово, что Дана оказалась соседкой, живущей с девизом «Стакан наполовину полон – особенно, если в нем пиво». Что касается комнаты, она и правда производила неплохое впечатление. Дверь открывалась в помещение, которое студенты Харкнесса называли общей комнатой (в то время как это была обычная гостиная). За ней находились две спальни, обе с дверями, достаточно широкими для инвалидного кресла. В каждой комнате стояли стол и – сюрприз! – двуспальная кровать.

– У меня с собой только обычное белье... – озадаченно начала я, увидев роскошное ложе.

– И у меня! – рассмеялась Дана. – Может, такие кровати полагаются всем студентам с ограниченными возможностями? О господи, неужели придется тащиться в магазин? – Она

шутливо закатила глаза.

Тут, пыхтя под тяжестью одного из моих чемоданов, на пороге появилась мама и сразу же поинтересовалась:

– В магазин за чем?

– За постельным бельем, – поспешно ответила я. – У нас двуспальные кровати.

Мама хлопнула в ладоши.

– Мы отвезем вас, девочки, в «Таргет» – заглянем туда по пути домой!

Лично мне не терпелось избавиться от родителей как можно скорее, но я видела, что Дана уже попала на крючок.

Тем временем мать продолжала командовать:

– Но сначала дайте-ка мне осмотреться! Может, нужно что-то еще.

Она заглянула в ванную комнату – просторную, с душем, до которого легко мог дотянуться даже колясочник.

– Великолепно, – прокомментировала она. – Давай-ка достанем кое-какие твои вещи, Кори, и убедимся, что тут есть место, где можно сушить катетеры.

– *Мам!*.. – прошипела я. Мне вовсе не хотелось обсуждать свои жутковатые ритуалы перед соседкой.

– Если мы едем в «Таргет», – отозвалась Дана из общей комнаты, – нам обязательно нужно взглянуть на ковры. Здесь такое эхо...

Мать поспешила выйти из ванной, чтобы унижить меня еще сильнее.

– О, Кори нельзя жить в помещениях с коврами, пока она снова учится ходить. Она может споткнуться. – И без паузы добавила: – Ну, девочки, где попросим Хэнка поставить телевизор?

Я поспешила ухватиться за шанс уйти от скользкой темы.

– Отец повесит в комнате телевизор с плоским экраном и подключит кабельное. Если ты, конечно, не против. Не все любят ТВ.

Дана задумчиво подперла подбородок рукой.

– Телезритель из меня так себе... – Тут ее глаза блеснули. – Впрочем... гм... некоторые точно захотят собраться в нашей комнате и посмотреть спортивный матч...

Мама засмеялась:

– Кто же это?

– Вы до сих пор не встречались с нашим соседом? Он трехкурсник. – Взгляд Даны устремился в сторону коридора.

– Он живет напротив? – спросила я. – В другой комнате для людей с ограниченными возможностями? – Это было явно не то место, где я ожидала встретить горячего парня.

Она кивнула:

– Ты его увидишь. Просто подожди.

Наш поход по магазинам продлился намного дольше, чем я рассчитывала. Мать настояла на том, чтобы оплатить покупки Даны, объяснив, что это из-за нас комнату обставили именно так. Дана выбрала покрывало с огромным красным

цветком посередине. Я остановилась на варианте в горошек.

– Очень жизнерадостно, – похвалила мать.

Она всегда любила все жизнерадостное, но последний год стал рекордным: мама цеплялась за жизнерадостность, как утопающий за спасательный круг.

– Давайте-ка подберем вам подходящие наволочки, дамы, – заявила она, подходя к следующему прилавку. – И запасную подушку для каждой, чтобы постели выглядели идеально.

– Она не обязана это делать... – исподтишка шепнула мне Дана.

– Просто смирись, – ответила я. – Подожди-ка...

Я сделала Данае знак и, когда она наклонилась ниже, чтобы никто не смог услышать нас, тихо сказала:

– Загляни в отдел ковров. Если что-то тебе приглянется, мы сможем вернуться сюда в другой раз.

Дана непонимающе посмотрела на меня:

– Но я думала...

Я прервала ее, закатив глаза:

– Дана, поверь мне: она ненормальная!

Без лишних слов соседка подмигнула мне и исчезла в отделе ковров.

Когда мы вернулись обратно, отец стоял в центре пустой комнаты, переключая каналы на прикрепленном к стене телевизоре.

– Все работает, – сообщил он.

– Спасибо, пап, – ответила я.

Он устало улыбнулся:

– Нет проблем.

Да, поведение моей мамы в течение последнего года ужасно раздражало, но с отцом дела обстояли еще хуже. Было время, когда мы дни напролет разговаривали о хоккее. Это была наша взаимная страсть, а для него еще и источник средств к существованию. Но потом со мной произошло несчастье, я не могла больше появляться на льду, и это буквально сокрушило отца. После несчастного случая он будто состарился на десять лет разом, и я очень надеялась, что мой отъезд из дома поможет ему прийти в себя.

Я решила, что настало время ненавязчиво выпроводить родителей в коридор и отправить домой.

– Мам, пап, сегодня на лужайке планируется барбекю в честь первокурсников. Мы с Даной туда тоже идем. *И скоро.*

Мама всплеснула руками:

– Подожди немного, Кори... Я совсем забыла повесить твой ночник!

Она бросилась в мою спальню, а я еле сдержалась, чтобы не наговорить ей грубостей. Ночник? Серьезно? Я не пользовалась ночником с тех пор, как мне было семь. А когда мой брат отправлялся в колледж, никто не изводил его навязчивым кудахтаньем. Билет на самолет и прощальное похлопывание по плечу – вот все, что получил Дэмиен.

– Она просто не может остановиться. – Отец мгновенно понял, о чем я думаю, взглянув на меня. Он поднял ящик с инструментами и двинулся к входной двери.

– Пап, со мной все будет в порядке... – поспешно заверила я его и устремилась следом.

– Конечно, будет, Кори, – ответил он, положил руку мне на макушку, но тут же убрал ее.

– Знаешь что, пап? – добавила я. – Я уверена, тебя ждет отличный сезон.

Он бросил на меня тяжелый взгляд:

– Спасибо, дружок.

И это все, что он мог сейчас сказать. Да, в других обстоятельствах он тоже пожелал бы мне хорошего сезона. Он внимательно осмотрел бы мою форму и щитки, мы отыскали бы удобный угол в комнате и поставили туда мою хоккейную сумку. Он забронировал бы билеты на самолет, чтобы посмотреть одну из моих игр.

Жаль, что эти времена прошли. Навсегда.

Мы проделали путь до коридора в молчании. А когда открыли дверь...

Мои грустные мысли развеялись как дым.

Перед нами стоял парень и вешал лекционную доску на стену рядом с соседней дверью. Я невольно отметила, что у него подтянутые бедра и мускулистые руки. Парень пытался вбить в стену гвоздь и одновременно удерживать костыли. Один из них упал, и таинственный незнакомец тихо выру-

гался. А потом он оглянулся, и впервые за день мне показалось, что из-за туч выглянуло солнце.

Я увидела перед собой лицо кинозвезды с горящими черными глазами, обрамленными длинными ресницами. Его волнистые черные волосы были слегка растрепаны, как будто он только что запускал в них ладони. Он был высоким и казался сильным, но не перекачанным. Его тело было – нет, не телом полузащитника, но определенно телом атлета.

Ого.

– Привет, – сказал парень, и на его щеках проступили очаровательные ямочки.

Привет, красавчик, хотелось ответить мне. Но я молчала. Прошло несколько секунд, прежде чем я поняла, что пялюсь на прекрасные губы незнакомца, замерев, как Бэмби в чаще. Надо было что-то с этим делать.

– Привет, – пропищала я с невероятным усилием.

А отец наклонился, чтобы поднять костыль, который уронил этот красавчик.

– Это у тебя гипс, сынок?

Я посмотрела, куда показывал отец, и покраснела – ведь посмотреть на гипс значило скользнуть взглядом по телу незнакомца. Перед моим взором была прекрасная мускулистая нога. Другая нога была заключена в белый панцирь.

– Правда, красота? – Голос незнакомца прозвучал по-мужски хрипло, отчего по моему телу пробежали мурашки. – Сломана в двух местах. – Он протянул руку отцу. – Я

Адам Хартли.

– Должно быть больно, мистер Хартли, – сказал отец, пожимая его руку. – Я Фрэнк Каллахан.

Адам Хартли бросил взгляд на свою ногу.

– При всем уважении, мистер Каллахан, вы просто не видели того, кому я надрал задницу!

Лицо отца стало напряженным, но Хартли тут же широко улыбнулся:

– Шучу, сэр! Не волнуйтесь, вашей дочери не придется жить рядом с дебоширом. Если честно, я просто упал.

Выражение облегчения на лице моего отца было таким искренним, что любовный морок растворился, и я засмеялась.

Прекрасный новый сосед протянул мне руку, и мне пришлось подъехать, чтобы пожать ее.

– Отлично сыграно, – сказала я. – Я Кори Каллахан.

– Приятно познакомиться, – начал он, сжав в своей большой ладони мою. Его сияющие карие глаза были прямо передо мной, и я заметила, что их зрачки обрамлены более темными кружками. Движение, с которым он наклонился пожать мне руку, заставило меня снова зардеться. Неужели здесь и правда так жарко?..

На этот раз мое оцепенение прервал пронзительный женский голос, донесшийся из комнаты моего соседа.

– Ха-а-артли-и-и-и-и! Я хочу, чтобы ты повесил фотографию, которая будет напоминать обо мне, пока я во Франции! Но не могу решить, на которую из стен...

Хартли закатил глаза.

– Так вешай на все четыре, детка! Залепи эту берлогу до потолка! – заорал он.

Мой отец усмехнулся и подал Хартли его костыль.

– Милы-ы-ы-ый! – снова послышалось из комнаты. – Ты не видел мою тушь?

– Но зачем она такой красотке?! – крикнул он, вставляя костыли в подмышки.

– Ну Хартли-и-и-и-и! Помоги мне искать!

– Никогда не срabатывает. Приятно познакомиться, – сказал он, подмигивая. А потом, заглянув в открытую дверь, деловито произнес: – Я здесь, чтобы положить конец Великой косметической депрессии.

С этими словами Хартли исчез за дверью – как раз тогда, когда моя мать вышла из спальни с напряженным лицом.

– Ты уверена, что мы ничего больше не можем сделать для тебя? – спросила она, и в ее глазах отразился страх.

Будь хорошей девочкой, одернула я себя. Защита ребенка от всего подряд уже окончена.

– Большое спасибо за помощь, – ответила я. – Но, думаю, вы уже сделали все, что могли.

На глазах мамы выступили слезы.

– Пожалуйста, будь осторожна, – сказала она охрипшим голосом, наклонилась и обняла меня, прижав мою голову к своей груди.

– Обязательно, мам, – ответила я невольно тише, чем

обычно.

Мать глубоко вздохнула и, кажется, взяла себя в руки.

– Позвони, если тебе что-нибудь понадобится.

Она открыла входную дверь общежития.

– Но если ты не будешь звонить несколько дней, мы не запаникуем, – поспешил добавить отец.

Дверь закрылась, и последним, что я увидела, был быстрый прощальный взмах его руки.

Они наконец ушли.

Я вздохнула, и в этом вздохе не было ничего, кроме облегчения.

Полчаса спустя мы с Даной отправились на барбекю. Она пересекала улицу, а я спешила следом.

В Харкнесс-колледже студенты учились на двенадцати факультетах. Прямо как в Хогвартсе из «Гарри Поттера», только без Распределяющей шляпы. В Бомонте и других зданиях, окружавших огромную Лужайку новичков, жили все первокурсники. Все, кроме нас.

Мы с соседкой обитали в Макгеррине, хотя приписаны были к Бомонту и должны были переехать туда на втором курсе. К счастью, Макгеррин располагался недалеко – на другой стороне улицы. Брат говорил мне, что Макгеррин использовался для самых разных целей: в нем поселяли студентов, чьи дома ремонтировались, или иностранцев, приехавших по обмену. Очевидно, также он был местом, где да-

вали уют калекам – таким, как я.

Мы с Даной миновали несколько мраморных арок и двинулись прямо на запах куриного барбекю. Аромат привел нас на ту самую Лужайку новичков, которую окружали здания, одно старше и красивее другого. Все они были украшены крутыми каменными ступенями, ведущими к роскошным резным деревянным дверям. Не в силах удержаться, я пожирала изысканные фасады жадными глазами туриста. Таким был Харкнесс-колледж: каменные горгульи, три века истории. И пусть на инвалидном кресле проход внутрь для меня был закрыт, любоваться архитектурным великолепием все равно было приятно.

– Прости, что мы не попали в общежитие у Лужи, как все остальные, – сказала я, используя сленг моего брата для обозначения территории первокурсников. – Это несправедливо, что ты застряла в Макгеррине со мной...

– Кори, прекрати извиняться! – остановила меня Дана. – Мы познакомимся с кучей людей, и у нас отличная комната. Все будет в порядке.

Вместе мы добрались до центра Лужайки, где был установлен навес. Гитарные переливы лениво текли в теплом сентябрьском воздухе, а запах угля приятно щекотал ноздри. Жаль, что, ощущая все это, я по-прежнему сидела в инвалидном кресле.

Некоторые говорят, что, пережив смертельную опасность, они стали наслаждаться жизнью больше. Что перестали вос-

принимать все как должное. Порой мне очень хотелось ударить тех, кто так говорил, но сегодня я их понимала. Сентябрь выдался теплым, а моя соседка оказалась такой же приветливой, какой показала себя в переписке. И я дышала. Наверное, стоило научиться это ценить.

Глава 2

Смотри, мам, я могу без лестниц!

Кори

Следующим утром начался учебный год. Вооружившись копией «Карты кампуса Харкнесс для людей с ограниченными возможностями», я поехала в сторону кафедры математики через залитый солнцем двор. Как и было обещано, у здания был прекрасный пандус для инвалидных колясок и достаточно широкие двери на западной стороне. Благодаря ему математический анализ стал мне вполне доступен, хоть я и не считала его особенно захватывающим.

Далее следовала лекция по экономике – посетить этот курс предложил мне отец.

«Всегда хотел знать о деньгах побольше, – признался он в одну из тех редких минут, когда позволял себе сожалеть о чем-то вслух. – Твоему брату понравилось изучать экономику, и я бы хотел, чтобы ты тоже попробовала».

Как-то в пылу дискуссии о том, в какой колледж мне идти в следующем году, я привела финальный аргумент: «Дэмиен учился в Харкнессе, и я поступлю туда же». Ни мать, ни отец не решились спорить, глядя в глаза своей дочери-инва-

лиду. Это была беспроегрышная тактика ведения переговоров – прикрываться братом в своих эгоистичных целях. Родители уступили, и, чтобы порадовать отца, я записалась на целый семестр лекций по микроэкономике, что бы это слово ни значило. Но теперь мои понедельники, среды и пятницы будут ужасно скучными: сначала алгебра, а за ней экономика.

Большая и старая аудитория, в которой проходили лекции по экономике, была заставлена дубовыми стульями, образующими узкие ряды. Специального парковочного места для моей коляски в ней предусмотрено не было, так что я сдала задом к стене за последним рядом и встала около двух видавших виды непарных стульев.

Через минуту кто-то тяжело опустился на соседний стул. Быстро бросив взгляд вправо, я увидела загорелую мускулистую руку, сжимающую пару деревянных костылей. Кажется, прибыл мой красавчик-сосед. Моя маленькая пернатая фея надежды тут же проснулась и прошептала мне на ухо: *Экономика перестает быть скучной.*

Хартли со стоном бросил на деревянный пол рюкзак и взгромоздил на него сломанную ногу, после чего уперся головой в обшитую панелями стену прямо за нами и простонал:

– Пристрели меня, Каллахан!³ И зачем я только записался

³ Возможно, здесь Хартли цитирует героев пенталогии Гарри Финка об инспекторе полиции Грязном Гарри Каллахане, роль которого сыграл Клинт Иствуд

на занятия в аудитории, которая так далеко от Макгеррина?

– Всегда можно вызвать калекомобиль, – усмехнулась я.

Он повернулся ко мне, и под взглядом его шоколадно-карих глаз я замерла, словно испуганное животное в свете фар.

– Что, прости?

На секунду я забыла, что за слово изобрела. Точно, калекомобиль.

– Это фургон. – Я протянула ему карту. – Можно заранее позвонить вот по этому номеру, за тобой приедут и отвезут на занятие.

– Ну надо же.

Хартли нахмурился, глядя на карту.

– Ты им пользуешься?

– Ну уж нет, я лучше нарисую себе на лбу огромную красную букву «Л». – Я показала пальцами знак, обозначающий «лузер», и Хартли, хрюкнув, засмеялся. От смеха на его щеках появились ямочки, и мне пришлось бороться с желанием прикоснуться к нему.

В этот момент тощая девушка с прямыми темными волосами и в гигантских очках проскользнула на стул по другую сторону от Хартли.

– Прошу прощения, – сказал он, – но этот ряд зарезервирован для калек.

Она подняла на него огромные испуганные глаза и рванула с места, словно кролик. Пробежав вдоль рядов, скользнула

ла на другое место.

– Ну, я-то знаю, что ты пошутил, – сказала я.

– Да неужели? – Хартли одарил меня такой теплой и озорной улыбкой, что я просто не могла отвернуться. Затем он швырнул себе на колено тетрадь.

Тем временем на кафедре поднялся профессор и, собираясь начать лекцию, постучал по микрофону.

Профессору на вид было лет сто.

– Класс, – начал он, – все, что говорят про занятия по экономике, – правда. Ответ на любой экзаменационный билет – «Спрос и предложение». – И старик шумно выдохнул в микрофон.

Хартли наклонился ко мне и прошептал:

– Кажется, это была шутка.

Я почувствовала тепло его дыхания.

– Мы попали в переplet, – шепнула я в ответ.

Но под «мы» я имела в виду «я».

После окончания занятия у Хартли зазвонил мобильный, так что я, помахав ему на прощание, выехала из аудитории в одиночестве. Сверившись с картой для инвалидов, я направилась в Общую столовую, самую большую в кампусе, построенную еще в 30-х годах прошлого века и рассчитанную на весь колледж. Я медленно вкатилась в заполненный студентами зал, напоминавший пещеру, и увидела ряды деревянных столов, которых было явно больше сотни.

Приложив свою карточку к электронному замку, я стала

наблюдать за людским потоком, чтобы понять, куда двигаться дальше.

Студенты шли мимо меня в направлении одной из стен, а я петляла в своем кресле между столами к некоему подобию очереди. Продвигаясь вперед и одновременно пытаюсь прочитать меню, написанное мелом на доске, я случайно врезалась в стоявшую передо мной студентку. Девушка быстро развернулась и с раздраженным видом хотела было что-то сказать, но, стоило ей увидеть меня, как она переменялась в лице и пробормотала:

– Извини.

Я почувствовала, что краснею. словно эхо, я произнесла:

– Извини.

И вообще, почему она извиняется? Это же я влетела в нее.

Вот уж странно: девять из десяти человек, в которых я врезаюсь (или на которых наезжаю), извиняются. Мало того, что я не понимаю, отчего так происходит, – это еще и жутко бесит.

С трудом я нашла конец очереди и тут же обнаружила, что у всех, кто стоит передо мной, в руках поднос и столовые приборы. Мне пришлось выкатиться из очереди, найти стопку подносов и снова встать в конец. Когда находишься в очереди, сидя в инвалидном кресле, все, что оказывается у тебя перед глазами, – это чужие задницы. Примерно так же мир выглядел для меня, когда мне было семь лет.

Хартли

Честное слово, тот парень, что делал мне сэндвич, вряд ли мог бы шевелиться еще медленнее даже со связанными руками. Я стоял и ждал – лодыжка сломанной ноги пульсировала болью, а здоровая нога дрожала. Последний раз я ел вчера, и, когда мне наконец протянули тарелку, я был на грани обморока.

Я сказал «спасибо», взял тарелку в правую руку, а правый костыль засунул под мышку. Я попытался пройти дальше со всем этим, но потерял равновесие и вынужден был опереться о стойку, чтобы не упасть. Костыль с громким стуком упал на пол. Единственная радость – сэндвич не последовал за костылем.

– Эй, ты, калека! – позвал меня кто-то сзади.

Я повернулся, но не сразу увидел Кори – я ожидал увидеть кого-то своего роста.

– Каллахан! – сказал я. – Как тебе мой изящный маневр?

Улыбнувшись, она взяла у меня тарелку и поставила на свой поднос.

– Ты рискуешь разбиться из-за... – она бросила взгляд на тарелку, – сэндвича с индейкой. Я помогу тебе, если подождешь минутку.

– Спасибо, – вздохнул я с облегчением.

Я проковылял в сторону и стал ждать, пока тот же парень

с явным недостатком мотивации сделает сэндвич и ей.

Через несколько часов (хотя я, возможно, немного преувеличиваю) на наших подносах были два сэндвича, чипсы, печенье, мое молоко и ее диетическая кола.

– Кажется, я вижу свободный столик вон там, в соседнем штате, – пробормотал я, хромая вперед. Я отодвинул тяжелый деревянный стул, освобождая парковочное место для Кори, которая везла поднос с нашей добычей. – Иисус, Мария и Матерь Божья! – Я рухнул на стул и опустил голову на руки. – Это заняло у нас всего-то в семь раз больше времени, чем должно было.

Кори протянула мне мою тарелку.

– Недавняя травма, правильно я понимаю? – спросила она, беря в руки свой сэндвич.

– Неужели так бросается в глаза? Получил ее неделю назад на хоккейной тренировке.

– Хоккей, говоришь? – Ее лицо приобрело странное выражение.

– Типа того. Видишь ли, я сломал ногу не во время игры в хоккей, что было бы логично, а упав на скалодроме.

У Кори от удивления вытянулось лицо.

– Веревка порвалась?

Не совсем.

– Может, и не было никаких веревок. И может, это было в два часа ночи. – Я поморщился, потому что не очень-то

приятно рассказывать красивой девушке, какой ты идиот. – А еще, возможно, я был пьян.

– Значит, ты даже не можешь рассказывать всем, что пал в неравном бою за шайбу?

– Ты любишь хоккей, Каллахан? – Я удивился.

– Вроде того. – Она беспокойно ковырялась в тарелке с чипсами. – Мой отец – школьный тренер по хоккею. А мой брат Дэмиен в прошлом году был в старшем составе твоей команды.

– Ничего себе! Так ты младшая сестра Каллахана?

Она улыбнулась, и ее глаза засияли. У нее была сногшибательная улыбка, а лицо покраснелось, как будто она только что пробежала пятикилометровый кросс.

– Все так.

– А я сразу понял, что ты крутая. – Я сделал глоток молока.

Она взяла в руки сэндвич.

– Перелом, наверное, сильно болит, раз всего неделя прошла.

Я пожал плечами:

– Терпимо. Сраные неудобства куда хуже: мне нужно полчаса, чтобы одеться, а принять душ вообще нереально.

– У тебя это хотя бы временно.

– Блин, Каллахан, сижу тут и ною про двенадцать недель в гипсе. – Я положил свой сэндвич. – Чувствую себя полным засранцем.

Она вспыхнула:

– Нет, я ничего такого не имела в виду, клянусь! Если ты не можешь немного пожаловаться, то и мне нельзя.

– Почему?

Похоже, я только что доказал: у нее есть полное право жаловаться, особенно когда вокруг такие идиоты, как я.

Кори вертела в руках салфетку.

– После несчастного случая со мной родители отправили меня в группу поддержки для людей с травмами позвоночника, из-за которой я, собственно... – Она развела руками над своими коленями. – В общем, там у всех вокруг оказалось гораздо больше проблем с подвижностью, чем у меня. У многих были парализованы руки, многие не могли самостоятельно есть, не могли повернуться на другой бок в кровати. Они не сумели бы самостоятельно выбраться из дома, охваченного огнем. Они не смогли бы отправить электронное письмо, обнять кого-то.

Я прикрыл лицо ладонью.

– Звучит обнадеживающе.

– И не говори. Меня очень испугали те люди, и больше я туда не возвращалась. И если я могу ныть, – а я это делаю, поверь, – то и ты имеешь полное право жаловаться на то, что скачешь, как фламинго.

Она снова взяла сэндвич.

– Когда это случилось? – Я не представлял, не слишком ли это бестактный вопрос.

– Что именно? – Ее взгляд скользнул мимо меня.

– Несчастный случай.

– Пятнадцатого января.

– *Этого* года?! Восемь месяцев назад?

Она кивнула.

– Значит, на прошлой неделе ты решила: «Черт с ним, уже сентябрь, самое время переехать на другой конец страны и покончить с этим»?

Она налила себе газировки.

– Как-то так. А что, не вышел срок траура по неподвижным ногам? – Она посмотрела мне в лицо, приподняв бровь.

Черт, кажется она только что отучила меня ныть на всю оставшуюся жизнь.

– А ты крепкий орешек, Кори Каллахан.

Она пожала плечами:

– Колледж предлагал мне отсрочку на год, но я отказалась. Ты же видел моих родителей – мне не хочется сидеть дома и смотреть, как они заламывают руки.

У меня зазвонил телефон – это была Стейша. Я подал Кори знак подождать и поднял трубку.

– Привет, красотка, – сказал я в трубку. – Я за столом напротив кирпичной стены. И я тебя люблю. – Я убрал телефон. – Так, значит, это родительская любовь и забота погнали тебя в другой часовой пояс?

– За этот год мы втроем чуть не свихнулись. Мой отъезд был лучшим решением для всех.

Об этом я даже не подумал, хотя следовало бы: когда с тобой происходит несчастье, оно происходит и с твоими близкими.

– Понимаю. Моя мама довела меня до ручки всего за неделю, но я это заслужил.

– Она злилась на тебя из-за сломанной ноги?

– Конечно! Я же не сломал ее, спасая детей из пожара. Мама пропустила несколько дней на работе, а вдобавок ко всему ее ждет чудовищный счет из больницы.

– Твой тренер, должно быть, в бешенстве, – заметила Кори.

– Угадала. Уже несколько раз выслушал от него лекцию о том, как я всех подвел.

Я начал поглядывать на дверь в ожидании Стейши. Она появилась в дверном проеме спустя пару минут (и половину сэндвича). Она была невероятно красивая, я не мог оторвать от нее глаз, пока она высматривала меня за столиками. Высокая и стройная, с ниспадающими светлыми волосами, она выглядела словно принцесса. Стейша заметила меня, ее большие глаза орехового цвета загорелись, и она направилась в мою сторону на своих длинных ногах. Оказавшись рядом, она первым делом поцеловала меня прямо в губы.

Мы встречались большую часть этого года, но меня все равно словно ударило током каждый раз, когда она так делала.

– Стейша! – сказал я, чуть отстранившись. – Это моя но-

вая соседка, Каллахан. Она и ее соседка по комнате Дана тоже живут в Макгеррине.

– Приятно познакомиться, – бросила Стейша, едва удостоив Кори взглядом. – Хартли, ты готов идти?

– Детка, ты не представляешь, как тяжело досталась нам эта еда, – засмеялся я. – Дай нам пару минут, чтобы покончить с ней.

Я отодвинул стул для Стейши, и она присела, не скрывая раздражения, затем принялась копаться в телефоне, пока я разбирался с молоком и печеньем.

Кори притихла, но тишина не была долгой – Стейша всегда была готова заполнить эфир обсуждением очередной проблемы человека из лучших стран мира.

– У моего парикмахера нет окошка на завтра для меня, это никуда не годится! – сказала моя девушка.

– Думаю, в Париже тоже есть парикмахерские, – заметил я.

Но она не слушала – ведь она была самой привередливой девушкой в мире. Еда в столовых колледжа не соответствовала ее стандартам, так что большую часть продуктов для обеда она покупала вне кампуса. Шампунь Стейша заказывала по почте – ни один из пятидесяти видов, продающихся в аптеке, ей не подходил. С новыми знакомыми она также не была особо приветливой.

На *меня* она смотрела так же, как на новую сумочку от «Прада». Избалованная девочка из города Гринвич, штат

Коннектикут, хотела именно *этого* парня, вот этого – в кепке хоккейной команды «Брюинз» – «Медведи» – и в футболке тренажерного зала Голда.

Я бы соврал, сказав, что не чувствовал себя из-за этого на голову выше ростом.

Кори допила содовую и начала складывать в поднос остатки нашего обеда.

– Слушай, Стейша, – я положил руку ей на запястье, чтобы хоть как-то привлечь внимание, – будь другом, отнеси наш поднос.

Она подняла удивленный взгляд от телефона, оглядела поднос, а потом зал столовой, прикидывая, сколько усилий ей нужно приложить. Она долго колебалась, и Кори уже готова была сделать это сама, но внезапно Стейша встала, схватила поднос и ушла с ним, громко цокая каблуками.

Я покачал головой, глупо улыбаясь Кори:

– У нее дома таким занимается прислуга.

Судя по выражению лица Кори, она не поняла, пошутил я или нет (я не шутил).

Стейша была той еще штучкой, но она была *моей* штучкой.

Глава 3

Мебельный джинн

Кори

– Ну, как прошел первый день? – спросила Дана, когда я вернулась с занятий.

Она устроилась у окна и делала маникюр.

– Неплохо, – ответила я. – Нашла все три аудитории с первой попытки. А как у тебя?

– Все отлично. Профессор по истории искусств просто душка.

– Симпатичный? – Я игриво свела брови.

– Если ты любишь семидесятипятилетних, то да.

– А кто сказал, что не люблю?

Я ловко проехала на задних колесах моего кресла – в спальне Даны почти не было мебели, так что ничто не мешало. Стол стоял напротив одной из стен, а чемодан – втиснут рядом. И все. Здесь по-прежнему звучало эхо.

– Ого, Кори, а это не опасно? – спросила она.

– Не-а. – Я повторила свой трюк, потом снова шлепнулась на два передних колеса и проехала по комнате. – Но у меня от этого кружится голова.

– Интересно, а существует ли баскетбол на инвалидных креслах? – спросила Дана, подув на ногти.

– Возможно, – выкрутилась я.

Зная о моих взаимоотношениях со спортом в прошлом, множество людей задавали мне этот вопрос. Но и прежде я не интересовалась баскетболом, а теперь мне вдвойне была неприятна вся эта адаптивная чушь. Почему люди уверены, что говорят что-то забавное? Почему калеки вообще должны обожать баскетбол?

Дана закрыла флакончик лака для ногтей.

– Кстати, я иду на джем сегодня. Хочешь пойти?

– На джем?

– Это такой концерт, выступление и прослушивание вокальных групп, поющих а капелла. Мы тоже можем поучаствовать.

Я помотала головой:

– Нет уж, спасибо. Я бросила хор в девятом классе, когда он стал мешать моим занятиям хоккеем.

– Тебе не обязательно быть суперпевицей, – возразила Дана. – Там всего десять групп, и это скорее тусовка, чем конкурс.

– Ладно, пойдем на джем, – решила я. – Посмотрим, что это такое.

– Отлично! Это сразу после ужина. Сейчас поищу нужную аудиторию... – Она вскочила, чтобы откопать в сумке карту кампуса.

– Крутой телик, дамы, – донесся из-за двери сексуальный голос.

Я подняла глаза и увидела Хартли, прислонившегося к дверному косяку.

– Спасибо, – сказала я, почувствовав, как сердце забилось быстрее.

– Что вам нужно, так это диван во-о-от здесь. – Он указал на пустую стену рядом с дверью. – Использованные диваны продаются на Лужайке новичков.

– Мы знаем, – ответила Дана. – Но, боюсь, вряд ли в каком-нибудь из них сидит мебельный джинн, жаждущий доставить свою темницу к нам домой по воздуху.

Хартли подпер рукой свой красивый подбородок.

– Да, думаю, без черной магии пара калек и одна девушка не потянут эту авантюру. Поработаю над проблемой за ужином, который начнется... – Он бросил взгляд на часы. – ... Сейчас! Кто со мной?

– Я, – сказала Дана. – Это мой первый ужин в Бомонте.

– Тогда не будем терять ни минуты. – Хартли развернул костыли и бодро заковылял к выходу.

Дана и я последовали за ним к выходу из Макгеррина и далее, вниз по улице. Бомонт-хаус, возвышавшийся над нами во всем своем готическом великолепии, поражал воображение огромными железными воротами. Дана провела своей студенческой карточкой перед электронным замком, и ворота, щелкнув, открылись.

Она придержала дверь для нас с Хартли. Процессия калек из двух человек медленно просочилась внутрь: Хартли плелся на костылях, а я с опаской маневрировала на коляске. Мощеная дорожка была неровной, и я не хотела напороться колесом на трещину и припечататься носом к брусчатке. Быть Девушкой В Инвалидном Кресле непросто, и стать Девушкой, Которая Упала Со Своего Инвалидного Кресла, мне совсем не светило.

Мы пересекли маленький мощеный дворик и попали во двор побольше – он был отмечен на всех брошюрках Харкнесса. Мой брат Дэмиен как-то пожаловался, что туристы и их фотоаппараты мешали ему спокойно ходить на учебу. Но если такова цена жизни в старинном замке, отделанном гранитом и мрамором, имело ли смысл ныть?

В дальнем конце двора Хартли остановился.

– Вот дерьмо, – сказал он, глядя на здание. – Столовая на втором этаже. Я забыл про лестницу.

– Столовой Бомонта не было на карте для инвалидов, – заметила я. – Думаю, я попробую другие варианты. – Общая столовая не была открыта для ужинов, но я уже запомнила, в каких зданиях можно было поесть на первом этаже.

Хартли устало оперся о костыли и покачал головой:

– Их я тоже не осилю. Но как сюда доставляют еду? Не таскают же ее по лестнице? – Он бросил хмурый взгляд на здание. – Не могу поверить, что ел здесь два года и никогда не задумывался об этом. – Он развернулся к воротам, веду-

щим на улицу. – Дана, встретимся внутри. Каллахан, сюда.

Покраснев, я последовала за Хартли по сосновой аллее, огибавшей здания Бомонта и Тернера.

– Похоже, мы пришли, – усмехнулся Хартли.

Он прохромал к серой металлической двери и нажал кнопку интеркома.

– Слушаю, – прозвучал голос.

Хартли посмотрел на меня и ухмыльнулся, снова проде-монстрировав ямочки на щеках.

– Доставка!

Через мгновение серая дверь распахнулась, открыв тускло освещенную каретку лифта, которая была нам явно не по росту.

– Круто, – сказал Хартли. – Ну что, рискнем?

У входа в лифт был небольшой выступ, и Хартли чуть не запнулся. Но несмотря на это, он смело нырнул внутрь и поддержал дверь, пока я заезжала в кабинку спиной вперед. Дверь задвинулась с резким скрежетом, который здорово меня напугал, и кабинка пошла вверх.

Был ли это один из *тех самых* моментов, к которым возвращаешься снова и снова и никак не можешь взять в толк, где были твои мозги? Где были мои мозги, когда я полезла за симпатичным парнем в шаткий и, возможно, опасный лифт? Не знаю. Что касается Хартли, он лишь улыбался, в то время как наша кабинка ходила ходуном.

– Надеюсь, у тебя хорошие легкие – вдруг понадобится

позвать на помощь.

Мы поднимались так медленно, что я расслабилась, только когда дверь лифта, заскрежетав, дала понять, что мы приехали. Мы выползли в залитую ярким светом кухню, где на нас с подозрением сначала посмотрел мужчина в белом колпаке шеф-повара, а вслед за ним оглянулись, оторвавшись от работы, еще несколько работников кухни в белых передниках.

– Только не говори мне, что ты забыла забронировать столик, – продолжил веселиться Хартли, осматриваясь. – За мной, Каллахан.

Мы двинулись вперед по плиточному полу, обогнув застекленную секцию с посудой, и оказались прямо в толпе студентов, ожидавших обеда с подносами в руках.

– Вот вы где! – обрадованно воскликнула Дана, освобождая нам островок в толпе. – Как вам удалось подняться?

– В служебном лифте, – ответил Хартли. – Эта штука работает как часы! Достанешь для нас еще один поднос?

– Конечно! Возьми этот. – Она убежала и тут же вернулась с новым подносом и двумя дополнительными комплектами приборов.

Тем временем очередь зазмеилась вперед, и вскоре мы отказались в ней следующими.

– Тебе что-нибудь видно? – спросил Хартли.

Ни черта, как обычно, хотела сказать я, но вместо этого спросила:

– А что-нибудь заслуживает нашего внимания?

– Сэндвич с тефтелями. Рыба выглядит слегка пугающе.

– Тогда выбор очевиден.

– Два сэндвича с тефтелями, пожалуйста, – сказал Хартли, обращаясь к невидимому работнику столовой.

– Вам помочь донести подносы? – спросила Дана.

Хартли ответил:

– У нас с Каллахан своя система.

Едва он отвернулся, Дана посмотрела на меня и многозначительно приподняла брови. А я не смогла сдержать улыбку.

Когда подносы с едой были у нас в руках, Хартли указал костылем на полупустой стол в центре зала:

– Прошу сюда, дамы.

Как только мы подошли к столу, нам помахал рыжеволосый парень:

– Хартли! О господи, что с тобой случилось?

– Ты всегда знаешь, что сказать в трудной ситуации,

Бридж.

Рыжеволосый поднялся и подошел поближе, чтобы посмотреть на огромный гипс на ноге Хартли.

– Я серьезно, чувак. Чертовски сочувствую.

Хартли взмахнул рукой так, как будто не хотел ничего слушать. Такая реакция была мне хорошо знакома – я сама чувствовала себя подобным образом. Иногда даже самые искренние намерения добрейших людей оборачиваются для

тебя напоминанием о том, что твоя жизнь полетела в тартарары.

– Не поделишься одним из этих стульев с Каллахан? – спросил Хартли.

Бриджер поднял тяжелый деревянный стул двумя пальцами, как пушинку. Он тоже был сексапильным атлетом с широкой грудью и крепкими веснушчатými бицепсами, обтянутыми рукавами футболки с логотипом хоккейной команды Харкнесса. Бриджер почти не уступал Хартли в обаянии и излучал приятное дружеское тепло. Когда Хартли представил ему нас как своих соседак, он усмехнулся:

– За Хартли спасибо скажите мне. Он должен был быть *моим* соседом. Если подумать, то я вполне мог бы столкнуть его с той стены, чтобы у меня была отдельная комната.

– Отлично придумано, – оценил Хартли. – Можешь оказать нам маленькую услугу после ужина? Дамам нужно купить диван в Старом кампусе. Это всего-то пятьдесят ярдов, без лестниц. И ты мог бы взглянуть на мой шикарный инвалидный люкс.

– Без проблем. Кстати, какие планы на вечер?

Хартли пожал плечами:

– Не мне решать. Стейша утром уезжает.

– Понятно, понятно. – Брови Бриджера поползли вверх. – Будь осторожен со своей ножкой, парень, побереги томик Камасутры для следующего раза.

Хартли швырнул в него скомканной в шарик салфеткой,

но он только рассмеялся:

– Надеюсь, твою боль гасят хорошими обезболивающими?

– Да, но от таблеток я блюю, так что они остались дома. Старый добрый адвил⁴ – вот что я готов глотать горстями.

К нам подсел еще один парень, блондин с прической пижона из загородного клуба.

– Неужели нога так сильно болит?

– Все болит, – ответил Хартли. – Моя нога из-за тяжелой работы, мое бедро – из-за того, что держит гипс. Мои подмышки...

– Ручки твоих костылей слишком низко, – сказала я, вытирая рот салфеткой.

– Правда? – Хартли оживился.

– Правда. Подними их на деление и никогда не опирайся на подмышки. Просто поверь мне.

Он указал на меня картофелиной:

– Ты очень полезный сосед, Каллахан.

Я кивнула:

– Если бы в мире существовала викторина для калек, я стала бы игроком номер один.

Пижонистый парень посмотрел на меня как на сумасшедшую. Но я привыкла к подобным взглядам. Так что вместо того чтобы начать комплексовать по этому поводу, я просто

⁴ Торговое название болеутоляющего и противовоспалительного лекарства на основе ибупрофена, американский аналог нурофена.

прикончила свой сэндвич. Он был великолепен.

После ужина мы с Даной заплатили сорок долларов за подержанный диван умеренно уродливого оттенка синего цвета. Бриджер и блондинчик из загородного клуба, которого все звали Фейрфакс, отнесли его в нашу комнату.

– Спасибо, спасибо! – повторяла Дана, отплясывая перед нашей дверью и одновременно открывая ее.

Дверь была настолько широкой, что ребятам даже не пришлось разворачивать диван, чтобы внести внутрь.

– Неплохая комната, – сказал Бриджер, ставя диван на пол. – Поглядим на твою, Хартли?

Через открытые двери я слышала, как восклицают, оказавшись в гостях у Хартли, его друзья. У него не было общей комнаты, но его «люкс» и без того был огромен.

– Господи, двуспальная кровать? Неплохо!

– И как раз когда твоя девушка уезжает из страны, – хихикнул Фейрфакс. – Где она, кстати?

До меня донесся голос Хартли:

– В супермаркете? В салоне красоты? Там, где все дорого? Не важно. Кто хочет выпить пива, пока взрослых нет дома?

Вволю налюбовавшись новым предметом мебели и соорудив из чемодана Даны некое подобие журнального столика, мы отправились на джем. В аудитории нам вручили программку размером с половинку бумажного листа. Было заявлено двадцать вокальных групп, каждая из которых испол-

няла по две песни.

– Организаторы вынуждены печатать такие, – объяснила Дана, пока мы устраивались в специально отведенном для инвалидов месте, чтобы мое кресло не перегораживало проход. – Так в суматохе жюри будет ясно, кто что поет.

У всех групп были симпатичные названия – «Гармонии Харкнесса», «Тони и тоники». Когда освещение притушили, на сцену вышла первая группа – двенадцать ребят в одинаковых футболках и шортах цвета хаки. Я сверилась с программкой. Это были «Менестрели-мародеры».

– А капелла – это все же немного для ботанов. – Дана наклонилась, чтобы сказать мне это. – Но в хорошем смысле.

Через несколько минут я была готова с ней согласиться. Один из парней на сцене прижал к губам камертон-дудку и сыграл единственную ноту. Его одиннадцать друзей промычали мелодию. Потом лидер убрал куда-то камертон-дудку и поднял обе руки. Когда он опустил их снова, группа приступила к исполнению песни «Вверх по лестнице на крышу» на четыре голоса. И каким-то образом им удалось заставить песенку, которую мои родители слушали еще в детстве, звучать очень круто. Я всегда думала, что мой тип – спортсмены. Но мне пришлось признать, что дюжина мужчин, отжигающих под ритмичную песню о любви, выглядят еще как привлекательно.

– Они великолепны, – прошептала я Дане.

Та кивнула:

– Вполне заслуживают звания лучшего мужского хора.

Тем временем на сцену вышли «Микс мастеров», смешанный хор. Они выглядели так, будто им жутко весело, но были явно слабее «Мародеров».

– Следующий... – начала Дана, но очередная группа – «Нечто особенное» – заставила ее сжать мое запястье. – Эта группа – мой идеал, – сказала она.

Тем временем девушки выстроились в практически идеальную окружность. Они взялись за руки и запели красивую, трогательную версию «Десперадо» группы «Иглз».

Когда они закончили, зал взорвался бурными аплодисментами.

– Вау, – сказала я. – А они жгут.

– Я знаю, – вздохнула Дана. – Но ты заметила, что все они блондинки? Интересно, это совпадение или нет? Может, и тебе сходить на прослушивание? У тебя почти такой же цвет волос.

– Ни за что, – ответила я, невольно коснувшись своих светлых прядей.

Мне было любопытно, почему Дана не видит ошибки в собственной логике. Если девушки из этой группы так заботились о своем образе, представьте, что будет, когда в их улыбающиеся ряды вклинятся костыли или инвалидное кресло? Неужели Дана серьезно думала, что эти миленькие певуны торжественно расступятся, чтобы пропустить к сидящим софитам меня, калеку?

Конечно, джем – это весело, но я прекрасно понимала, где мое место. Если можно так выразиться.

Глава 4

Думаешь, удастся отвертеться?

Кори

На следующей неделе мы с Даной сидели дома и продирались сквозь конспекты. Вдруг в дверь постучали.

– Открыто! – прокричала я.

Деревянная дверь распахнулась и впустила Хартли с костылями.

– Привет, – сказал он. – Трудитесь? Может, я зайду в другой раз?

Дана захлопнула книгу.

– Через полчаса все равно прослушивание. Что случилось?

– У меня к вам странная и эгоистичная просьба.

– Звучит интересно, – ответила Дана. – Я бы даже сказала – многообещающе.

– Ты умная девушка, Дана, – заметил Хартли, и на его щеках проступили ямочки, снова заставившие меня поддаться чарам их обладателя. Эта улыбка могла бы растопить и стекло. – Видите ли, у меня есть «Куиркбокс», но нет телика, – продолжал тем временем Хартли. – Мы с Бриджером были,

конечно, хорошей командой, но телик был его.

– «Куиркбокс» – это игровая приставка? – спросила я.

Он кивнул.

– Хочешь поиграть? Могу притащить ее сюда. Это займет считанные секунды.

– Почему бы и нет? – сказала я. – Давай попробуем.

– Ты лучше всех! – просиял он. – Я скоро вернусь.

Дверь закрылась, и мы услышали удаляющийся стук ко-
стылей.

– Интересуешься видеоиграми? – спросила Дана.

– Нет, – улыбнулась я. – Но все-таки...

Она засмеялась.

– Все понятно. Думаю, с этого момента мы можем назы-
вать его Хартлихорадка. Ладно, буду готовиться к прослу-
шиванию. – И Дана прошла в свою комнату, где ей предсто-
яло сделать мучительный выбор, решая, что надеть.

– Вообще-то видеоигры не моя тема. Я просто посмотрю,
ладно? – сказала я Хартли, когда он принес приставку.

С дивана мне открывался неплохой вид на его мускули-
стые бедра.

– Как хочешь, – не стал возражать он.

Минуту спустя на экране засветилась заставка игры, и ко-
манда невероятно реалистичных хоккеистов в форме «Бо-
стон брюинз» вышла на лед.

Я против воли подалась вперед.

– Это же Антон Худобин! Ты что, можешь видеть *даже*

их лица?

Хартли хихикнул:

– Да, но, как я понял, это *не твоя тема*.

Он умудрялся держать джойстик и одновременно балансировать на костылях. По гудку состоялось вбрасывание, и схватку за шайбу выиграл игрок Хартли. Его команда играла с «Айлендерс», и Хартли вел шайбу из центра вдоль левого фланга.

Последовал напряженный момент, когда защитник «Айлендерс» перехватил шайбу. Но Хартли снова завладел ею, издав радостный вопль. Он поехал вперед, готовясь к броску. Вратарь бросился ему наперерез, но, прежде чем я успела увидеть, что произойдет, плечи Хартли закрыли мне обзор и экран исчез из поля зрения. Не долго думая, я оттолкнулась от дивана, чтобы обойти его.

И упала.

За доли секунды до того, как это произошло, я осознала свою ошибку. Такое по-прежнему случалось, когда я *очень* отвлекалась. Я абсолютно забывала, что не могу больше стоять без помощи, и растягивалась на полу.

Я упала с глухим ударом, хотя отчаянно пыталась зацепиться за наш импровизированный журнальный столик руками.

Хартли резко обернулся.

– О, черт! Ты в порядке?

– Конечно, – сказала я, чувствуя, как от смущения горит

лицо. – Я просто... э-э-э... неуклюжая... – Я потеряла руку в том месте, где ударилась об «столик». – Берегись! – кивнула я в сторону экрана.

«Айлендерс» стянули шайбу и теперь пробивались к воротам команды Хартли. Когда он отвернулся от меня, я быстро забралась на диван.

Он нажал на паузу и снова повернулся ко мне, окидывая меня изучающим взглядом.

Я старательно изучала свои руки.

– Подними-ка голову! – скомандовал Хартли.

А когда я снова посмотрела на него, он кинул мне контроллер, который я поймала.

– За какую команду хочешь играть? – Он подарил мне очередную улыбку из тех, от которых у меня внутри все таяло.

– «Питсбург», – ответила я без всяких раздумий.

– Отличный выбор, Каллахан, – сказал он, хватая другой контроллер и выводя меню на экран. – Дай мне всего несколько секунд на настройку, и ты будешь учиться у мастера.

Существовало множество вещей, которым я бы хотела научиться у «мастера». Но этим вечером пришлось ограничиться игрой под названием «Крутые клюшки».

В следующий раз, когда Хартли пришел играть в хоккей, я была во всеоружии.

– Ты помнишь, как это делается? – спросил сосед, пере-

давая мне контроллер.

– Хотелось бы думать, что да.

Теперь мы сидели на диване бок о бок, а гипс Хартли балансировал на «журнальном столике». Он нажал кнопку «Играть», и два игрока уставились друг на друга, ожидая вбрасывания.

Цифровой судья запустил шайбу между нами, и я зацепила ее своей клюшкой. После этого, сделав передачу по флангу, я поехала к воротам.

Вратарь Хартли напрягся. Я обогнула его и прицелилась шайбой в угол ворот по мою правую руку. На экране парень Хартли сдвинулся, чтобы прикрыть эту сторону. Я перенацелилась влево, и вратарь отклонился как по заказу. Я снова бросила шайбу вправо и попала в ворота.

Когда компьютерная толпа пришла в восторг, я засмеялась.

– Какого черта, Каллахан? – Хартли остановил игру. – Ты обвела моего вратаря? – Очень медленно удивление на его лице превращалось в коварную ухмылку. – Подожди-ка, подруга. Ты *тренировалась*, так ведь?

Я еле сдерживалась, чтобы не улыбнуться в ответ.

– А ты бы тренировался, окажись на моем месте?

– Господь всемогущий, ты заплатишь за это...

Со скоростью ниндзя он наклонился, схватил мою руку и поднял ее вверх. Прежде чем я поняла, что случилось, он принялся яростно щекотать меня под мышкой.

– Хартли! – завопила я, откидывая его руку, а свою прижимая к телу.

– Думаешь, удастся отвертеться?

Он потянулся за моей рукой опять, но это было обманное движение.

У меня был старший брат, и я знала все трюки. Так что, когда вместо руки он устремился к моей талии, я обезопасила себя, прижав к телу локоть. Однако Хартли не остановился – он только поднялся на здоровое колено и нацелился на мой незащитный левый бок. Я вскрикнула опять, когда он прижал мое левое плечо к дивану, а его свободная рука нашла сразу два места для щекотки.

Его карие глаза смотрели на меня сверху и смеялись, но, когда я заглянула в их глубину, то ощутила прилив тепла и *чего-то еще*. Выражение его лица стало меняться, становясь все более серьезным. Он выглядел почти голодным. Смешок замер у меня на губах, когда наши взгляды встретились...

– *Что* здесь происходит? – Дана вышла из своей комнаты, застегивая сережку.

Отпустив меня, Хартли метнулся на свое место и схватил контроллер.

Момент был испорчен. А может, и не было никакого момента, и я все придумала. Когда Дана улыбнулась нам, я посмотрела на Хартли, но он держался так же, как и всегда.

– *Кое-кто* попал под раздачу, – ответила я Данае, чтобы скрыть собственное смущение, – и растерял всю свою кру-

тизну.

– *Кое-кому* нужно преподать урок, – возразил Хартли, перезапуская игру.

– Рискни-ка, – предложила я.

Дана надела пиджак.

– Может, мне вызвать вам двоим няньку? Не подеритесь, ладно?

Но мы даже не ответили ей, так как заставка игры снова появилась на экране. Хартли выиграл борьбу за шайбу на этот раз, и я никак не могла ее отнять. Но мне повезло – мой вратарь отразил атаку, упав на шайбу.

– Фьюх, – сказала я. – Чуть не забил. – Я осмотрелась в поисках Даны, но она уже ушла. – Что ж, счет по-прежнему один – ноль, «Питсбург» лидирует.

– Теперь ты *хвастаешься*? – возмутился Хартли. – Ну ничего, я сотру эту улыбку с твоего лица!

Могу представить себе несколько способов сделать это, – прошептала мне на ухо разгоряченная фея надежды.

Игра в «Крутые клюшки» стала тем, что мы с удовольствием делали вместе, а соперничество «Брюинз» и «Питсбург паффинз» – моей новой одержимостью. Иногда мы успевали сыграть пару игр перед ужином в будни. Дана только качала головой и называла нас зависимыми. Играть было забавно, но нас постоянно прерывали звонки на мобильник Хартли. Он останавливал игру и отвечал, поскольку в то вре-

мя, как у нас был вечер, Стейша уже ложилась в постель.

– Прости, – сказал он, когда звонок прозвенел в первый раз. – Но я не могу перезвонить позже. У нее там уже одиннадцать.

– Без проблем, – ответила я.

Но на самом деле это было проблемой, потому что звонки причиняли мне страдания.

– В Рим на выходные? Звучит неплохо, – говорил Хартли. Его угодливый тон казался фальшивым. – Уверен, ты задашь своей кредитке ту еще работенку. Лучше сразу оплати дополнительный багаж, иначе никогда не сможешь привезти все свои дизайнерские трофеи домой.

Я слушала все эти разговоры с натянутой улыбкой. И дело было не в том, что они отрывали меня от моего нового хобби – они отправляли мои мысли плутать тропинками, на которые я совсем не хотела их пускать.

«Привет, горячая девчонка», – часто отвечал Хартли на звонок. Или: «Привет, малыш». Было трудно сказать, какая из этих шаблонных нежностей вызывала у меня большую скуку. Может, дело было в том, что меня так никогда никто не называл.

Но думаю, правда все-таки заключалась в другом. Мое пылкое влечение к Хартли открыло мне всю глубину пропасти, которая разделяла меня и таких девчонок, как Стейша. До аварии мне всегда казалось, что страстный роман в конце концов будет и у меня. Но то, как Хартли умасливал свою

возлюбленную, не давало мне покоя. Существовал ли на свете парень, который назовет меня, свою искалеченную подружку в инвалидном кресле, горячей девчонкой?

Я очень сомневалась.

Заклучая соглашение со своими родителями, я пообещала продолжить курс физиотерапии в Харкнесе. Моим новым врачом была подтянутая женщина в бейсболке «Пэтриотс».

– Зови меня Пэт, – сказала она, пожимая мне руку. – На выходных я изучила твою карту.

– Извините, – ответила я. – Напрасная трата времени.

– Ничего подобного, – улыбнулась она. Я заметила, что она вся покрыта веснушками. – Твои тренеры находят тебя довольно активной.

Я засмеялась:

– Если «активный» означает «стервозный», то я, пожалуй, соглашусь.

Она покачала головой.

– У тебя был очень тяжелый год, Кори. Все это понимают. Давай-ка приступим к занятиям.

Сначала Пэт занялась растяжкой. Так терапия начиналась всегда – с жутковатого ощущения, что сейчас кто-то будет выкручивать мое тело, как будто я тряпичная кукла. Пэт проработала мои тазобедренные суставы, затем колени и лодыжки. Прежде чем попросить меня сесть, она прервалась. –

Могу я взглянуть на твою кожу? Никто не увидит.

Я огляделась. Дверь в кабинет физиотерапии была закрыта, за окном никого не было.

– Только быстро, – согласилась я.

Пэт спустила мои штаны для йоги сзади и заглянула мне под трусики. Опасение заключалось в том, что у меня могли возникнуть пролежни из-за того, что я целыми днями сидела в своем кресле.

– Здесь все в порядке.

– Я не вхожу в группу высокого риска. Мои родители попросили вас взглянуть, ведь так?

Она улыбнулась.

– Ты не можешь винить их в том, что они заботятся о тебе.

Вообще-то запросто.

– Если мы сумеем поднять тебя из этого кресла, – Пэт указала большим пальцем в направлении коробившего ее объекта, – то никого это больше не будет волновать. Сколько часов в день ты проводишь на костылях?

– Несколько. – Я уклонилась от прямого ответа, ведь проблема была в том, как втиснуть хождение на костылях в мое учебное расписание. – Пока я прорабатываю вопрос, насколько далеко расположены здания колледжа.

– Понимаю, – ответила она. – Но если ты собираешься участвовать в студенческой жизни, мы должны научить тебя подниматься по лестницам. Иначе тебе придется выбрать колледж, построенный в семидесятые. Теперь давай сделаем

жим ногами.

Я старалась не слишком ворчать, но год назад я могла выжать двойной собственный вес жимом для ног. А сейчас? Пэт установила 60 фунтов или около того, но я все равно была вынуждена давить на ноги руками, чтобы хоть как-то заставить платформу двигаться. Первокласник справился бы лучше.

Да и вообще, разве все это имело смысл?

Но Пэт ничуть не смутил мой убогий результат.

– Теперь мы поработаем над центральной зоной твоего тела, – заявила она. – Хорошая устойчивость туловища играет решающее значение для сохранения баланса на костылях.

Это тоже не было для меня в новинку. Пэт брала свои реплики из того же сценария, что и остальные физиотерапевты, которых я уже встречала. А встречала их я немало.

К сожалению, нигде в этом сценарии не говорилось о том, что действительно меня беспокоило. Пэт знала, что делать, когда мои бедра начинали дрожать во время планки. Но никто и понятия не имел, как научиться выдерживать странные взгляды, а ведь именно так люди смотрели на меня, видя, что я в инвалидном кресле. Иногда я читала в их глазах откровенную жалость. Это было хотя бы честно, пусть и бесполезно. А иногда я сталкивалась с мистерами и миссис Широкая Улыбка. Казалось бы, людей, которые разгуливают по улицам и улыбаются, как маньяки, первым встречным, не может быть слишком много. Но я получала множество Широких

Улыбок от людей, которые почему-то считали, что должны дарить мне их. Будто бы это такой утешительный приз: *Да, твои ноги превратились в два бесполезных куска мяса, но зато вот тебе Широкая Улыбка.*

Конечно, я никогда не говорила о подобных вещах. Это звучало бы стервозно, не более. Но последние месяцы были унижительными. Прежняя «я» оскорблялась, когда парни пялились на мою грудь. Теперь я могла об этом только мечтать. Когда они смотрели на меня теперь, они видели лишь кресло.

– Еще четыре скручивания, Кори, и ты будешь в полном порядке, – сказала Пэт.

Я посмотрела вверх, на решительное лицо Пэт, и сделала скручивание. Но мы обе знали, что *в полном порядке я не буду никогда.*

Глава 5

Пьяный жираф на ходулях

Кори

Сентябрь незаметно сменился октябрём, и жизнь наладилась. Я продолжала усердно учиться и день ото дня перемещалась по кампусу все более уверенно. Дана была с головой поглощена прослушиваниями. Она выбрала песню «Привет, Делайла!» и так активно репетировала, что в конце концов я стала слышать ее даже во сне.

Я по-прежнему практически ни с кем не общалась и никуда не ходила, но, возможно, мне просто требовалось время. Так или иначе, моими любимыми пятницами и субботами оставались те, когда мы с Хартли играли в «Крутые клюшки». Хоккейный сезон начался, и друзья Хартли все чаще были заняты. То они тренировались, то ходили на вечеринки в такие уголки кампуса, куда Хартли совсем не горел желанием ковылять. В один из таких вечеров он приземлился на диван рядом со мной, чтобы провести пару матчей. После игры мы иногда смотрели кино.

– По-моему, ты слишком зависишь от капитана своей команды, – сказал Хартли в тот вечер, видя, что я проигрываю.

Конечно, я не могла признаться ему, что причина моего проигрыша в тот день не имела ничего общего с центральным нападающим – просто Хартли пришел без футболки, и было чертовски трудно не отвлекаться, исподтишка изучая его накачанный живот. Последние полчаса я еле сдерживалась.

Хартли открыл бутылку пива и предложил мне, но я отмахнулась.

– Дигби хорош, но ведь есть и другие игроки, – сказал он.

– Дигби просто мечта, – сказала я, кладя свой контроллер.

И это была правда – даже цифровая версия капитана «Питсбург паффинз» заставляла мое сердце трепыхаться. Он был *почти* самым красивым хоккеистом, которого я знала. Самый красивый сидел рядом со мной на диване.

Хартли прыснул, держа бутылку с пивом.

– Серьезно? – Он засмеялся, и я обрадовалась возможности полюбоваться его улыбкой. – Разве ты не настоящая болельщица? Вот уж не думал, что ты пак банни⁵.

Его слова едва не заставили меня задохнуться от возмущения.

– Вот уж не думала, что ты говнюк!

Он поднял обе руки, как будто защищаясь (при этом из одной из них по-прежнему было пиво).

⁵ Слово, образованное в результате соединения двух понятий: руск – шайба (англ.) и snow bunny – девушка, вставшая на лыжи не из любви к спорту, а для завязывания знакомств со спортсменами, в русской версии – «горнопляжница» (англ., сленг).

– Полегче! Это просто шутка.

Я прикусила губу, пытаясь сдержать накотившее раздражение. Так уничижительно называли девушек, которые питали страсть к хоккеистам, а не к самой игре. Раньше меня никто так не называл. Самые счастливые мгновения моей жизни прошли *на льду*.

Хартли осторожно водрузил больную ногу на наш «журнальный столик» и посмотрел на меня как нашкодивший щенок.

– Я разбередил больное? Прости...

Я потянулась через диван, взяла бутылку у него из руки и сделала глоток.

– Думаю, пора начать размалевывать лицо и орать на судей. Раз уж я *болельщица*.

Я попыталась вернуть ему бутылку, но он не взял ее. Хартли просто посмотрел на меня так пристально, что мне стало не по себе – вдруг он прочитает мои мысли?

– Каллахан, – сказал он медленно, – ты что, *играешь* в хоккей?

С минуту мы просто смотрели друг на друга. Я всегда была игроком – с тех пор, как мне исполнилось пять. Но теперь, и это в лучшем случае, я просто болельщица. Отвратительно.

С трудом сглотнув, я ответила на вопрос:

– Я была игроком. Перед тем, как... Перед тем, как бросила играть...

Я чувствовала, как зашипало в глазах, но ни за что не ста-

ла бы плакать перед Хартли. Я сделала глубокий вдох.

Он облизнул губы.

– Ты говорила, твой отец был школьным тренером.

– Он был *моим* школьным тренером.

– Серьезно? – Хартли умудрился открыть новую бутылку, не прекращая смотреть мне в глаза. – На какой позиции ты играла?

Играла. Прошедшее время.

– Была центральным нападающим. – Я знала, о чем он на самом деле спрашивает. – Капитан. Чемпион штата. Мне предлагали спортивную стипендию несколько колледжей.

Было так трудно сказать ему это – перечислить все, что я потеряла. Большинство моих собеседников не хотели об этом говорить. В подобных случаях они меняли тему и спрашивали, не собираюсь ли я взяться за вязание или шахматы.

Но Хартли протянул руку и звякнул своей бутылкой о ту, которая была теперь у меня в руках.

– Знаешь, я с самого начала был уверен, что ты крутая, Каллахан, – сказал он.

Тут моя битва со слезами стала невероятно трудной. Но я сделала огромный глоток пива и все-таки взяла себя в руки. На этот раз тишину нарушил Хартли:

– Думаю, самое время научить тебя настраивать перспективу экрана так, чтобы тебе всегда было видно, где твои защитники. Подвинься сюда.

Я скользнула ближе к нему на диване. Хартли обхватил

меня рукой, чтобы держать контроллер передо мной – иначе я не смогу его видеть.

– Если ты нажмешь вот эти две кнопки одновременно, – сказал он, нажимая их большими пальцами и глядя вверх на экран, – твой вид переключится на судью и игрока.

Я была уютно прижата к Хартли и могла чувствовать его дыхание у себя на ухе, когда он говорил.

– Ого, – выдохнула я. Жар его голой груди не способствовал усвоению материала. – Это очень полезно... – Я запнулась.

Пока он показывал мне еще пару маневров, я вдыхала приятный запах мыла от его тела и наслаждалась рельефом рук, обвивавших меня. О, об этих руках можно было бы написать стихи.

Хартли говорил что-то об «атаке телом», но я с трудом улавливала смысл его слов. Каждый раз, когда он произносил слово «тело», я могла думать только о его накачанном торсе.

– Ну что, поняла? – Пока я боролась за глоток кислорода, он закончил. – Теперь, когда я тебя обыграю, ты не сможешь сослаться на незнание. – Слегка дернув меня за стянутые в хвостик волосы, он разжал объятия.

С красными щеками я быстро перескочила на свой край дивана.

– Ну давай, – сказала я, изо всех сил пытаюсь сконцентрироваться на игре. – Я готова тебя уничтожить.

– Это мы еще посмотрим, – усмехнулся он.

Вечером следующей пятницы я наткнулась на Хартли, когда мы оба входили в двери Макгеррина.

– Сыграем в «Крутые клюшки» позже? – спросила я. *Пожалуйста.*

Он покачал головой:

– Хоккейная команда начнет новый сезон только через неделю, поэтому у Бриджера вечеринка. Ты должна пойти – это всего шесть ступенек. Я заставил его посчитать их для меня. Ты справишься с шестью?

Я обдумала вопрос.

– Справлюсь, но буду выглядеть, как жираф на ходулях. Только менее грациозный.

Он ухмыльнулся:

– Узнал себя в хороший день. Я выйду в восемь и посту-чу тебе в дверь. Приводи Дану и всех, кого захочешь. – Он скрылся в своей комнате.

– Хочешь пойти на вечеринку к Бриджеру сегодня вечером? – спросила я Дану, когда она наконец пришла домой.

– Хотела бы, но не могу, – сказала она. – Сегодня у вокальных групп сразу две вечеринки. Ты сможешь мне выбрать, что надеть?

– Конечно, – ответила я, еще раз порадовавшись решению не идти в хористки. Если нужно *и* хорошо петь, *и* хорошо одеваться, я точно не лучший кандидат.

Мы выбрали для Даны соблазнительный фиолетовый свитер и джинсы насыщенного черного цвета. Она выглядела отлично, но при этом было ясно: ей не пришлось для этого лезть из кожи вон.

– А что ты наденешь? – спросила она меня.

Я пожалала плечами, окинув беглым взглядом свою футболку с логотипом Харкнесса.

– В комнате Бриджера пивная вечеринка. Кто будет наряжаться ради нее?

Дана закатила глаза.

– Да хватит, Кори. Джинсы годятся, но тебе явно нужен другой верх. – Она решительно прошагала в мою комнату и принялась открывать ящики комода. – Как тебе этот топ?

– Ну... Он розовый...

– Я вижу. Надевай.

Уступив Данае, я бросила футболку на кровать и взяла топ, который она выбрала.

Хартли

Я открыл дверь в общую комнату девочек и услышал голоса, доносившиеся из спальни Кори.

– Все. Теперь я могу идти? – спрашивала Кори.

– Вот так *гораздо лучше!* – ораторствовала Дана. – Обтягивает прямо в нужных местах. Так, подожди. Надень-ка еще браслеты.

– Ладно, – сказала Кори, – но только потому, что легче согласиться, чем спорить с тобой.

– И я не выпущу тебя из дома без помады.

– Господи, *за что?*

В этот момент я засмеялся, и дверь к Кори открылась во всю ширь.

– Пора идти, – сказала она Дане.

– Подожди! – закричала та, копясь на комодке Кори. – У тебя что, нет *собственной туши?*

– Удачи на вечеринке с хористами! – крикнула Кори, в спешке ковыляя мимо меня. – *Бежим*, – беззвучно произнесла она, и я открыл дверь.

Кори довольно легко преодолела шесть ступенек к комнате Бриджера, что было отличным результатом, ведь я ей не помогал. Но настоящее испытание ждало нас на самой вечеринке. Все было так, как я и предполагал. Теплое пиво в пластиковых стаканчиках? Да. Слишком громкая музыка, мешающая говорить? О да. Девушки, соблазнительно откидывающие волосы перед всеми моими партнерами по команде. Да и да.

Комната Бриджера была завешана куртками и толстовками хоккейной команды Харкнесса. Пак банни раболепно бродили вокруг них. Я проследил за взглядом Кори, чтобы увидеть изрядно накачавшуюся девицу, извивающуюся в танце перед Бриджером. Когда я поймал взгляд Кори, она

подняла бровь. Все, что я мог сделать, – пожать плечами. Никто не запрещал тебе наивно думать, что в такой престижной школе, как Харкнесс, нет пак банни. Но это не меняло факта – на каждой домашней игре на трибунах маячил по крайней мере один плакат с надписью «Будущие жены хоккеистов». Пак банни здесь даже не были оригинальны.

Когда я и Кори наконец-то протолкались к виновнику торжества, Бриджер подарил каждому из нас по теплой улыбке. Потом я осознал, что у нас логистическая проблема: надо было решить, как передвигаться на костылях с пивом в руках. Кори, которая была, очевидно, умнее меня, сумела усесться на подлокотник выдавшего вида дивана Бриджера. Прислонив костыли к стене напротив, она освободила руки.

Со своего насеста она обзревала комнату, которую мы с Бриджером делили бы, если бы я не сломал ногу. Бомонт-хаус возвели не менее ста лет назад, и университет не ремонтировал его десятилетиями. Так что молдинги темного дерева поцарапались, а стены пожелтели. Но все же это было по-прежнему одно из крутейших мест в кампусе. Арочные окна были украшены настоящим хрусталем, разделенным на маленькие переливающиеся прямоугольники. Под ними тянулся дубовый подоконник, на котором, как и в двадцатые годы прошлого века, сидели студенты со стаканами в руках. Я всегда думал, что это круто, но сегодня эти посиделки почему-то вгоняли в депрессию.

У Бриджера имелся старый университетский плакат, он

висел под не работающим с шестидесятых камином и браво провозглашал: *Esse Quam Videri*. «Быть, а не казаться» – таков был девиз университета. Настрой, конечно, отличный, но то, что я сегодня видел у Бриджера в комнате, скорее напоминало «Видеть, быть увиденным, напиток в хлам».

Первая порция пива быстро была проглочена.

– Хочешь еще? – спросил я у Каллахана.

– Не очень, – сказала она, улыбаясь.

И меня это порадовало, поскольку я вряд ли донес бы его до Каллахана, не разлив. Со стаканом в зубах я продрался через толпу к бочонку с пивом, даже не отдавив никому ноги костылями. Бриджер выхватил стакан у меня из рук и наполнил его.

– Что случилось с тем осьминогом, что извивался перед тобой пять минут назад?

Он наклонил мой стаканчик, чтобы не было слишком много пены.

– Господи, мне пришлось соскрести ее с себя. Это младшая сестра Хэнка.

– Серьезно? Я думал, она моложе.

– В том-то и проблема. Ей шестнадцать, и она просто приехала на уик-энд. Теперь она нашла себе новую цель. Причем не кого-нибудь, а Фейр- факса.

Я осмотрел бурлящую толпу и на подоконнике заметил девушку с полужакрытыми глазами, обвиняющую вокруг нашего партнера по команде. Фейрфакс тоже не выглядел трез-

ВЫМ.

– Черт. А где вообще Хэнк?

– Понятия не имею. Не видел его уже давно. Вероятно, кто-то предложил ему покурить.

Бриджер протянул мне мой стакан, и мы оба стали смотреть, как пьяный Фейрфакс целует девушку, видимо, орудуя языком у нее во рту.

– Это как-то неправильно, – пробормотал Бриджер и обратился ко мне: – У тебя есть телефон?

– Конечно. Держи. – Я отдал Бриджеру стакан и отправил короткое сообщение Хэнку. «911. Хватит курить кальян, иди и заberi свою сестру».

Бриджер и я пили пиво вместе и смотрели на дверь. Но Хэнк так и не появился.

– *Чиорт!* Неужели она только что схватила его за член?

Бриджер поморщился:

– Думаю, нам пора вмешаться. Если бы это была моя младшая сестра... – Он оборвал фразу. – Господи, она пьяна в задницу.

А значит, дело должно быть сделано.

– Прорываемся, – объявил я, и мы с Бриджером стали прокладывать путь в толпе.

Когда мы добрались до парочки, эти двое по-прежнему зажигали.

Я потрогал девушку за плечо.

– Прости, но Хэнк ищет тебя.

С хлопаньем губы целующихся разлепились.

– Что? – еле ворочая языком, пробормотала она.

– Твой брат, – сказал Бриджер, отталкивая ее от Фейрфакса. – Прямо сейчас.

– Вот дерьмо, Дарси! – появился Хэнк, возвысившись над нами. Парень был почти семь футов ростом. Он положил одну гигантскую руку на плечо сестры, держа телефон в другой. – Спасибо, Хартли. За мной должок.

Я отмахнулся, и это заметил Фейрфакс. После того как Хэнк увел свою сестру, он бросил на меня взгляд, полный ярости:

– Так это ты мне кайф портишь?

– *Серьезно?* Очнись, чувак, я помогаю тебе. Детей лучше не трогать. Таков закон.

– Ну ты и ублюдок, Хартли. Вот почему ты всегда такой *ублюдок?*

Я инстинктивно сжал кулаки.

– Ну уж нет, – сказал Бриджер, приложив руку к моей груди. – Ты не будешь бить Фейрфакса на моей вечеринке. Не важно, каким уродом он сегодня был.

Но моя кровь уже закипела. Это чертово слово. Почему люди используют именно это чертово слово?

– Чувак, остынь, – упрашивал Бриджер, удерживая меня уже обеими руками. – Отпусти его. Если ты поранишь его, он скажет тренеру, а из этого ничего хорошего не выйдет. И парень *в стельку* пьян, Хартли. Он даже не вспомнит обо

всем этом утром.

И как будто в доказательство его правоты, Фейрфакс стал валиться на подоконник.

Я стряхнул руки Бриджера, но Фейрфакса трогать не стал.
– Доброта наказуема, – напомнил мне Бриджер, протягивая костыль, который я уронил.

Да уж. Ну, по крайней мере повеселились.

Я молча развернулся и пошел к Кори и ее насесту – подлокотнику дивана. Сам диван был занят двумя парочками, находящимися в разной стадии прелюдии, но стена рядом с Кори была пуста, и я произвел ряд маневров, чтобы опереться на нее спиной. Пива в стакане осталось на треть, и я мог держать стакан двумя пальцами и одновременно висеть на костылях.

– Все в порядке? – мягко спросила она.

– Нога сегодня адски болит, – признался я, уставившись на остатки пива.

Кори сдернула сумку с плеча. Покопавшись в ней, вытащила пузырек адвила. Благослови ее господь, она сунула две таблетки мне в руку.

– Ты прелесть, – сказал я, забрасывая их себе в рот.

– Ага, – сказала она, закатывая глаза.

Я подмигнул ей, а пак банни, стоявшая напротив нас, бросила на Кори злой взгляд. Это была растрепанная, напоминающая чирлидера девица, обтянутая блестящей кофточкой.

– Стейша уехала, и ты чувствуешь себя как рыба, выбро-

шенная на берег, да? – спросила девица.

– Как это ты вычислила? – бросил я, перенося вес так, чтобы было удобнее опираться о стену.

Я был довольно жалок, а ведь едва перевалило за десять вечера.

– Она гуляет по Парижу, а ты застрял тут, в солнечном Коннектикуте. Разве это справедливо? Целый семестр *без перспектив*. – Девица отбросила волосы назад, и стало очевидно, что она готова во всем заменить Стейшу.

Я подмигнул, тряся телефоном в руке.

– Теперь смотри, для чего нужен скайп. – Девушка и ее подруга нервно захихикали, а Кори снова закатила глаза. – Единственная сложность – это собрать все в единую картину.

Я держал камеру на вытянутой руке и пытался сделать так, чтобы в кадр попали костыли, и это вызвало новый взрыв смеха. Я осушил свое пиво, размышляя, как я до такого докатился.

В этот момент парень, которого все называли Существом, прорвался ко мне, оттеснив девчонок, и я был очень этому рад.

– Привет, чувак. Как жизнь? – спросил я. – Ты знаком с малышкой Каллахан?

– Приятно познакомиться. – Существо пожал руку Кори.

– Тренировка сегодня была жесткой, Хартли. Сначала спринты на треке, потом убийственная отработка на льду. И никакой игры. Мясорубка и скучища одновременно.

– Да ну, – сказал я, сминая свой стаканчик.

– Поверь мне, чувак. Это был день, когда, пропуская тренировку, ты не пропускаешь *ничего*.

– Не шутишь? – спросил я, но при этом подумал: полная хрень.

Я бы сделал все, чтобы оказаться на тренировке сегодня, вместо того чтобы лежать с куском гипса на ноге. Мельком взглянув на Кори, я увидел ее понимающую улыбку.

Да. Она была единственным человеком в комнате, кто понимал.

Когда Существо ушел, Кори снова надела сумку на плечо и взяла костыли.

– Мне пора, – сказала она.

– Я провожу тебя, – тут же вызвался я.

Она повернула к дверям, и я последовал за ней, пытаюсь не раскидывать встречных костылями.

– Тебе не обязательно меня провожать, – заметила она, когда мы достигли лестничной площадки. – Зачем лишних два раза ходить по ступенькам?

Боль в лодыжке заставила меня скривиться.

– А я и не собираюсь. Просто использую тебя, чтобы ускользнуть. – С великой осторожностью я спустился на первую ступеньку. – Давай, теперь ты можешь это сказать. Это был абсолютно пустой вечер.

– Думаешь? Честно говоря, он не был таким плохим, как я ожидала. Никто не наблевал на меня, и я не упала лицом

в ступеньки.

Каллахан преодолела одну ступеньку, затем вторую. По сравнению со мной она была практически газелью.

– Думаю, все дело в ожиданиях, – пробурчал я, справляясь со второй ступенькой.

– Всегда все дело в ожиданиях, – тихо согласилась она.

Глава 6

Веселее только в Диснейленде

Кори

Отправляясь на учебу в понедельник, я увидела просунутую под дверь записку. Это был сложенный кусок бумаги с надписью КАЛЛАХАН на верхней стороне. Развернув его, я прочитала:

Я не могу пойти на экономику, так как сегодня утром мне ввинчивают в колено два винта. Поделись со мной конспектом? Умоляю. Х.

После обеда я написала ему сообщение:

Получила твою записку. Операция? Чертовски сочувствую.

Через пару часов он ответил:

Не сочувствуй. Анестезия – это круто. Тебе не обязательно навещать меня, но, если соберешься, принеси чего-нибудь поесть.

Я:

Какой еды?

Хартли:

О боже, да без разницы. Больничная еда – блевотина.

Я рассмеялась, потому что это было правдой.

Когда я заглянула в палату Хартли, первым, что увидела, было его перевязанное колено, прикрепленное к аппарату, который то сгибал, то разгибал его.

– Весело тут у тебя, – сказала я, мысленно отметив, что массивная гипсовая повязка исчезла с ноги Хартли, уступив место маленькому гипсовому сапожку на ступне.

– Веселее только в Диснейленде.

Хартли повернул голову в мою сторону и подарил мне блеклую улыбку. На нем была больничная одежда, а из капельницы что-то вливалось в вену.

Я содрогнулась от того, насколько все это было мне знакомо.

– Держись, – сказала я. – А почему тебя оперируют?

Он снова опустил голову на подушки.

– Тренер хотел, чтобы меня посмотрел его любимый ортопед. И этот ортопед сказал, что нога заживет быстрее, если в ней будут винты.

– Ну... Это ведь неплохо, да?

Он пожал плечами:

– Это хорошо для колена. Но лодыжка будет заживать с той же скоростью, что с ней ни делай. И теперь я лежу, пытаюсь понять, что изменилось, кроме того, что теперь я частично человек из стали.

– Еще ты будешь повелителем металлодетекторов, – сказала я, въезжая в палату. – Ты не против, что я заскочила? Я

сама всегда ненавидела посетителей.

Хартли вскинул голову.

– Ты ненавидела посетителей? Что ты имела против людей, которые хорошо к тебе относились?

– Я не хотела, чтобы на меня *смотрели*, вот и все. Это унижительно – быть распластанной на кровати, невытой и практически голой – за исключением больничной одежды.

– Тут мы расходимся, – сказал Хартли, приподняв голову. – Я ничего не имею против отсутствия душа. И обнаженки.

Я вытащила из сумки белый бумажный пакет.

– Что ты мне принесла?

– Итальянский сэндвич и пачку чипсов. И «Гаторад»⁶.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты чудо?

– Ты – каждый раз, когда я предлагаю тебе что-то поесть.

– Не поспоришь. Дай-ка.

Он протянул руки, и я передала ему сумку.

Я посмотрела на капельницу и вещества, текущие ему в руку.

– А тебе можно есть?

– Какая разница? Я голоден. – Он развернул сэндвич и надкусил. – М-м-м-м, – восхитился он. – Красота.

– Я или сэндвич?

– И ты, и он. – Хартли откусил еще. – Каллахан, а ты долго лежала в больнице?

⁶ Популярный спортивный напиток.

От этого вопроса все у меня в груди сжалось. Я не любила говорить о несчастном случае.

– Шесть недель.

Его глаза расширились.

– Это слишком долго для того, чтобы есть отвратительную еду.

Я кивнула, хотя плохая еда даже не входила в первый десяток пунктов списка, который включал все, за что я ненавидела больницу.

– Много в школе пропустила?

– Три месяца. Я вернулась на последние несколько недель. К счастью, я отправила запрос в Харкнесс рано, так что мое разрешение пришло еще до травмы.

– Но ты закончила школу вместе со всеми?

– Школьный округ прислал мне репетитора, как только я отправилась на реабилитацию.

– Вот это жестко.

– Да? – Я вздохнула. – Все равно мне было нечем заняться в свободное время. Лучше уж решать уравнения, чем просто сидеть и думать целыми днями. – Я указала на его колено. – Признайся, что сам лучше бы оказался вместо всего этого на лекции по экономике.

Он на секунду задумался.

– Конечно, но только если бы мне разрешили оставить сэндвич.

Он открыл пачку чипсов и предложил их мне. Я взяла

один, и с минуту мы хрустели в молчании.

– Каково это – вернуться в школу в инвалидном кресле?

Я вздохнула.

– Серьезно? Собираешься заставить меня откровенничать об этом?

Он развел руками.

– Не отвечай, если не хочешь, но ты ведь знаешь, как говорят: если, живешь в Риме...⁷

– Было именно так ужасно, как ты и подумал. Окружающие были со мной очень-очень милы, но легче мне не становилось. Я убивала разговоры. Когда я проезжала мимо, все как по команде прекращали болтать про выпускной и тому подобном. Они почему-то решили, что именно так и должны делать.

Хартли помолчал минуту.

– Да, дерьмово. Но тебе пришлось вернуться?

– Ну не то чтобы *пришлось*, просто дома было еще паршивее. Родители психовали, и я подумала, что, если вернусь в школу, они, может быть, перестанут балансировать на грани нервного срыва. К тому же мне надоело, что меня рассматривают, как жука под микроскопом. – А теперь мне надоело говорить на эту тему. – Кстати, Дана сейчас тоже на грани. Завтра вечером станут известны результаты прослушивания.

Хартли подарил мне еще одну слабую улыбку.

– Да? Если завтра я все-таки откинусь из этой тюряги, то

⁷ ... живи по римским обычаям. Si vivis Romae, romano vivito more (лат.).

посижу и подожду с вами. Придется сыграть пару раз в хоккей, конечно.

– Само-собой, – согласилась я.

Когда я пришла из библиотеки следующим вечером около девяти, дверь в комнату Хартли была распахнута. Заглянув внутрь, я увидела, что он сидит на кровати. Больная нога покоилась на офисном стуле.

– Привет, Каллахан, – сказал он, вырывая кусок бумаги из тетради и комкая его.

– Привет и тебе. – Я внимательно посмотрела на него, отметив бледность и утомленный взгляд. – Выглядишь не очень.

– Спасибо за комплимент.

Он кинул бумажный комок в корзинку на отдалении. И, конечно, попал. Потому что Хартли – это Хартли.

Я проковыляла глубже в его комнату.

– Я серьезно, ты в порядке?

– Скоро буду. Второй день всегда худший, так? Мне просто нужно выспаться. Ты же знаешь, что такое больницы. – Он покосился на меня снизу вверх.

– Да, знаю. – Я аккуратно уселась рядом – так, чтобы не задеть его. – Сколько раз они будили тебя, чтобы проверить жизненные показатели?

– Потерял счет. – Он наклонился, поднял бутылку с водой с пола, затем осушил ее. – Каллахан, ты не против подлить

сюда воды?

– Конечно, не против. – Я вскочила. Обмотав ремешок бутылки вокруг пальца, сходила в ванную и наполнила ее.

– Тебе уже можно принять новую дозу адвила? – спросила я, заметив пузырек на раковине.

– О да, – сказал он.

Я достала две таблетки из бутылки и положила в карман. Потом отнесла воду Хартли. Это было страшно – видеть его больным и беззащитным. Я едва узнавала его. Поддавшись неожиданному порыву, я протянула руку и положила Хартли на лоб. Его большие карие глаза вопросительно уставились на меня.

– Жара нет, – сказала я. – Послеоперационные инфекции могут быть очень опасны.

Он закрыл глаза, и его голова опустилась мне на руку. Долгое время я не двигалась. Я знала, что мне нужно отойти, даже если совсем этого не хотелось, а хотелось обнять его и никогда не отпускать. Если бы я только знала, что он мне позволит, то, не раздумывая, так и сделала бы.

Вздохнув, я убрала руку и вложила бутылку ему в ладонь. Когда он выпрямился, я достала таблетки.

– Только две? – спросил он хрипловатым голосом.

– Но этого же достаточно! Ты принимаешь больше?

– Обычно по три или четыре.

– На бутылке написано две, Хартли.

– Я тебе вот что скажу, Каллахан. Я сейчас сяду на тебя

верхом, а потом ты мне объяснишь, почему моя дозировка должна равняться твоей. – Его губы растянулись в улыбке, но глаза оставались печальными и усталыми.

– Ну ты и заноза в заднице, Хартли, – сказала я, чтобы скрыть беспокойство за него.

Я отправилась в ванную еще за одной таблеткой.

– Спасибо, – прошептал он, когда я вернулась. За один присест проглотив все таблетки, он откинулся на спинку кровати с гримасой на лице. – Сколько сейчас времени?

Я взглянула на часы.

– Почти девять.

– Нам нужно пойти посидеть с Даной, – сказал он.

Я моргнула. На мгновение я абсолютно забыла, что сегодня у Даны большая ночь. Очень скоро все вокальные группы начнут бегать по Лужайке новичков, приглашая лучших вокалистов.

– Точно! Ты уверен, что хочешь пойти?

Он закрыл глаза на мгновение, а потом опять открыл их.

– Хорошо, что для этого нужно всего лишь пересечь коридор.

– Подожди, – сказала я. – Дай мне сначала все подготовить.

Я проковыляла обратно в нашу комнату, убрала несколько книг с дивана и подготовила импровизированный журнальный столик для колена Хартли. Затем меня осенило: я вытолкнула свое инвалидное кресло за дверь, провезла через

коридор и втокнула в соседнюю комнату. Это было идеальное решение, так как сама я добиралась до библиотеки Бомонта (где было всего три лестничных ступеньки) с помощью скоб и в кресле не нуждалась.

Он стоял, когда я вошла.

– Смотри, – сказала я. – Теперь тебе не нужно никуда идти.

– Ну, спасибо, – вздохнул он.

Я подтолкнула кресло к Хартли, и он сел. Я быстро отрегулировала подножку перед ним, подняв его больную ногу вверх. Он положил руки на колеса и толкнул их.

– Так вот как мир выглядит для Каллахана, – сказал он, направляя кресло к двери.

– Дана, мы здесь! – сказала я, когда мы въехали в общую комнату. – И уже девять. Что будем делать?

Она выскользнула из своей комнаты.

– Просто подождем.

– Можно, я включу футбольный матч? – спросил Хартли.

Дана насупилась.

– Без звука. Иначе я не услышу, как к нам постучат.

Хартли хватило такта не указывать Данае на то, что с распахнутыми ей самой окнами и входной дверью под боком мы ни за что никого не пропустим. Он молча взял пульт от телевизора и нашел игру. Потом пододвинул мое кресло к дивану и принялся подыскивать способ пересесть.

– Привет, ребята! – сказал Бриджер, заходя с пакетом

льда. – Специальная доставка. Я уберу это в твой мини-холодильник, братан?

– Спасибо, чувак, но я бы охладился прямо сейчас.

Бриджер исчез, и Хартли переключил внимание на другую задачу – он хотел выбраться из моего кресла.

– Ты можешь просто остаться в кресле, – предложила я. – Побереги ногу.

Хартли рассмотрел мою идею, а потом отрицательно покачал головой. Он встал на здоровую ногу и, откинувшись, переместился на диван.

– Мне лучше здесь, – сказал он тяжело дыша.

И отвел глаза.

Я молча отодвинула кресло от дивана. Но, если честно, мне было обидно. Очевидно, Хартли не мог вынести мысли о том, что будет сидеть в кресле, когда в комнату впорхнет стайка девушек-вокалисток. Я всегда чувствовала, что кресло превращает меня в невидимку или в лучшем случае в объект для жалости, и Хартли только что подтвердил это.

Удручающие мысли прервал топот за окном. Лицо Даны застыло в ожидании.

Я быстро проковыляла в коридор и открыла дверь. Двенадцать девушек в красных футболках пробежали мимо меня в комнату. Они соединили руки и запели «Уважение» Ареты Франклин еще до того, как я вернулась в комнату.

Допев песню, девушки предложили Дане стать новой вокалисткой «Веселых полнозвучий». Я задержала дыхание,

так как не знала, что ответит Дана. «Полнозвучия» не были номером один в ее списке. С другой стороны, девушки пришли за ней очень быстро, а значит, и правда были заинтересованы заполучить ее.

– Возможно, – ответила она быстро.

Допустимыми ответами были: «да», «нет» и «возможно», но стоило иметь в виду, что после десяти вечера группа имела право отдать место другой вокалистке. Получалось, в запасе у Даны оставалось всего сорок пять минут.

– Надеемся, ты изменишь решение на «да»! – сказала ведущая солистка и дала Данае карточку со своим номером телефона.

После этого они побежали к следующему кандидату из их списка.

– Блин, – проворчала Дана, когда они ушли. – Может, стоило согласиться? – Она снова заняла свою позицию у окна. – Я правда хочу в «Нечто особенное», – прошептала она. – Но, наверное, я хочу слишком многого...

– Я тоже хочу нечто особенное, – ухмыльнулся Хартли, закинув руки за голову.

– Хартли! – возмутилась Дана.

– Похоже, ты тащишься от обезболивающего – пробормотала я.

Бриджер вернулся в комнату с пластиковым пакетом, полным льда, который Хартли осторожно опустил себе на колени. Но тут зазвонил его телефон. Даже минимальное движе-

ние, чтобы аккуратно достать телефон из заднего кармана, заставило Хартли вздрогнуть от боли. Он взглянул на дисплей и выключил звук.

– Что-то поздновато Стейша звонит, да? – спросил Бриджер.

Хартли повел плечом.

– Она, наверное, пьяная и звонит мне из какого-нибудь клуба. Я не смогу справиться с ней и с болью одновременно.

Бриджер фыркнул:

– Напомни, почему ты хранишь верность девушке, которая даже не знает, как расслабить чувака, когда ему больно?

– Не лезь в это, Бридж. – Голос Хартли прозвучал так, будто у него совсем не было сил.

– Ладно, но тогда не трахай мне мозги речами о том, какой я развратник, если сам выставляешь отношения в таком прекрасном свете.

– Я не хочу трахать тебя, Бридж. Ты не в моем вкусе.

– Спасибо, что признался этом, – поблагодарил Бриджер, и я рассмеялась.

На другом конце комнаты Дана, кажется, не слышала ни слова из нашего разговора. Она теребила карточку в руке и расхаживала туда и обратно. Ее собственные феи надежды, должно быть, трудились сверхурочно, нашептывая ободряющие слова и прогоняя страх.

– Держись, Дана, – сказал Бриджер, указывая на экран те-

левизора. – Где звук, чувак?

Хартли просто покачал головой.

Долгое время ничего не происходило, кроме того, что «Пэтриотс» заработали тачдаун. По крайней мере, в этом нам везло. Пока минуты ползли, Дана изо всех сил старалась то протоптать дыру в нашем новом ковре, то изорвать края карточки, которую дали ей «Полнозвучия». Тем временем цвет лица Хартли улучшился, и он перестал корчиться от боли при каждом движении.

Зато на меня нахлынули эмоции. Было трудно удержаться, чтобы не обнять их обоих. Дана выглядела вымотанной и растерянной, а я сказала себе, что приняла правильное решение насчет прослушивания в вокальную группу. Отбор вокалистов был вроде средневековой пытки, в результате которой мир в течение часа уведомлял вас, насколько вы ему нужны.

Кому это надо? Лучше уж справляться с неприятностями и разочарованиями по мере их поступления. Я принимала постоянную дозу каждый день – взгляды Хартли в ответ на предложение посидеть в инвалидном кресле, Широкие Улыбки людей, которым нечего было мне сказать. Я наблюдала за тем, как угасает победный настрой Даны и думала: зачем покупать проблемы, если их раздают бесплатно?

Как только я начала задаваться вопросом, сколько еще выдержит Дана, за окном снова послышались шаги, и я почти

увидела, как каждый мускул моей подруги напрягся. В наружную дверь постучали. Бриджер взметнулся и выбежал из комнаты, чтобы открыть.

Стайка девушек в фиолетовых футболках вбежала в комнату, соединила руки и принялась на четыре голоса исполнять спортивный гимн колледжа. Лицо Даны зажглось, как елка в Рокфеллеровском центре.

– Дана, хотела бы ты стать новым членом группы «Нечто особенное»? – спросила одна из девушек, когда они допели.

– ДА! – завопила Дана.

Ребята зааплодировали, а я обняла Дану. Она буквально лучилась радостью.

Ни с того ни с сего уроки этого вечера обернулись для меня болью. Риск, на который пошла Дана, окупился с лихвой. Она нашла свое племя. Группка девушек в фиолетовых футболках, обнимающих ее сейчас, была лучшим тому свидетельством. Я же улыбалась широчайшей из своих улыбок и была за нее искренне рада.

Жаль, что эта улыбка досталась мне такой ценой.

Глава 7

Твой воображаемый паралитик

Кори

К тому времени как листья на деревьях окрасились в желтый и красный, промежуточные экзамены почти закончились. Я отлично сдала испанский и не без труда разделалась с матанализом. Моим любимым предметом теперь была экономика, ведь по понедельникам, средам и пятницам мы с Хартли вместе сидели на занятиях, а потом обедали в Общей столовой.

Единственным, что омрачало мою радость, была еженедельная физиотерапия.

– Как продвигаются дела с лестницами? – спросила Пэт в очередной раз.

– Нормально. Медленно. – По какой-то причине терапия лишила меня способности изъясняться длинными предложениями.

– Позанимаемся? – предложила она.

– Давайте, – с безразличием ответила я.

Пэт вывела меня на незнакомую лестничную клетку.

– Начинаем. Посмотрим на твою технику.

Я послушно принялась подниматься: поставила на ступеньку один костыль, потом второй, затем подтянула ноги. Прodelала так еще раз. И еще. Но когда была уже на седьмой ступеньке, я оглянулась и посмотрела на Пэт.

И это оказалось ошибкой.

Я вдруг четко осознала, как легко можно споткнуться и пересчитать все эти семь ступеней собственной спиной. Я буквально увидела себя со стороны – беспомощная кукла, подпрыгивающая на твердых бетонных ребрах ступенек. *Падение спиной вперед*. Вот что ужасало меня больше всего.

Так что я села на мель – прямо там, в середине лестницы. Я боялась продолжать идти вперед и не могла вернуться.

Пэт встала позади меня.

– Я подстрахую тебя, – сказала она, положив руку мне на лопатку. – Осталось немного.

Потеея, я собралась с духом и продолжила подъем. После каждого шага Пэт прикасалась к моей спине, давая знать, что она рядом. Когда я наконец добралась до лестничной площадки, мы сделали перерыв.

Пэт с задумчивым видом постукивала по подбородку, пока я пыталась отдышаться.

– Знаю, тебя учили использовать оба костыля. Но, думаю, у тебя лучше получилось бы с одним плюс перила. – Она подвела меня к перилам и забрала один костыль.

Следующий этап подъема был легче, так как я мертвой хваткой вцепилась в перила.

– Вниз поедем на лифте, – объявила Пэт, когда я поднялась наверх. Она дала мне второй костыль и нажала кнопку.

Мрачная и мокрая от пота, я последовала за ней в кабинет физиотерапии. Пэт посадила меня на коврик и сняла с моих ног скобы.

– Видишь ли, Кори...

Как же я не любила, когда люди начинали разговор с этой фразы. Обычно она предвещала нотации.

– Чем лучше ты будешь ходить, тем лучше будешь себя чувствовать. Ты еще не достигла своего потолка. И я знаю, ты кажешься себе неловкой, но есть несколько потрясающих приспособлений, которые помогут сделать твою походку более естественной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.